

Военные
Приключения

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Ю.ИВАНИЧЕНКО **Е.ИВАНИЧЕНКО**

Военные приключения (Вече)

Юрий Ивановиченко

Штормовое предупреждение

«ВЕЧЕ»

2019

Иваниченко Ю. Я.

Штормовое предупреждение / Ю. Я. Иваниченко — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8012-6

В этой книге рассказывается о первых годах становления советской разведки и контрразведки, столь много сделавших для выживания страны во враждебном окружении. Главный герой – товарищ и соратник знаменитого Артузова, – работая по заданию ИНО ВЧК, участвует в сложных и опасных чекистских операциях начала двадцатых годов. Напряжённый сюжет, основанный на недавно рассекреченных документах, привлечёт внимание всех любителей приключенческой литературы.

ISBN 978-5-4484-8012-6

© Иваниченко Ю. Я., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Пролог	6
Зри в корень	9
Перемена участи	13
Мариуполь	15
Ещё не ведая беды...	17
Далеко и долго	23
Просто такая работа	26
Тем временем в Феодосии	29
Севастополь, осень	32
Той же осенью в Симферополе	33
Гостеприимный «Бристоль»	35
Прогулки не без пользы	37
Урок впрок	39
Приятное знакомство	40
Что нам дано...	42
Допросная комната	44
Неприятное свидание	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Иваниченко, Елена Иваниченко

Штормовое предупреждение

Первым чекистам посвящается

© Иваниченко Ю.Я., Иваниченко Е.Ю., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

*...во мгле ненастной
Земле несущий динамит.*

Да, это строки из пророческого стихотворения Александра Блока «Авиатор», написанного в 1910–1912 годах. Настоящая большая война, в которую была втянута Россия, война, которая едва не погубила её, началась только спустя два года. Многие из тех, кто пережил первые, ещё не частые бомбардировки, вспоминали эти строки, хотя именно «ночных летунов» было немного даже у самых наших лютых и самых поначалу продвинутых в техническом оснащении врагов – у немцев.

Вспоминал эти строки и я, и не раз, хотя и не в то роковое майское утро 1915 года. Ведь «мгла ненастная» бывает и утром, и днём...

А в то майское утро мы собрались всей нашей маленькой семьёй – родители и мы с Варей, младшей сестрой, – у себя, в прадедовском доме на окраине Юньков.

Фронт глухо погромыхивал за три десятка вёрст на запад от нашего села, сразу за чудным городком Поставы, в котором я учился в подготовительном классе до переезда в Санкт-Петербург. А сюда, в Юньки, война не докатывалась и, надеялись мы, уже и не дойдёт. Во всяком случае, в два предыдущих дня, на удивление тёплые и солнечные – это после хмурого и холодного, и сплошь каменного Петрограда, – мы наслаждались покоем в окружении зелени и цветения. И неспешными разговорами, не подстёгнутыми и не оборванными столичной спешкой.

Допоздна мы засиживались на веранде с отцом, врачом по новейшей специализации – рентгенологом, а по жизни – аматором¹ модных научно-технических дисциплин: волновой оптики и радиотехники. Это четырьмя годами ранее определило во многом мой выбор факультета в Политехническом. Обсуждали мы научные успехи, но больше военные проблемы англичан и французов – всё же наши союзники! – и заканчивалось это, когда голос мамы звал: «Стёпа, пожалей Алёшкину голову, спать пора!» Нам выпала всего неделя – больше отцу, по военному времени, не отпускали, да и мне не следовало надолго исчезать с занятий. Хотя отец мне давал едва ли не больше, чем некоторые наши профессора и приват-доценты, уступая им разве что в систематичности изложения...

Третье утро долго не начиналось: свет утреннего солнца, служившего нам побудкой, едва-едва проникал сквозь густой туман. Такое бывало и весной, и осенью в этом болотистом краю, благо хоть дул тёплый западный ветер.

Пока мама с Варей хлопотали с завтраком, а отец, ворча, что из-за этого тумана придется лишний раз жечь керосин, возился у себя в комнате, я убежал на торфяной луг: отмахать утреннюю гимнастику и окунуться в прохладную, но уже не совсем холодную Лучайку. Помню, нырнул с открытыми глазами, в янтарных сумерках разглядел пару краснопёрых плотвичек и коричневую плоскую ленту пиявки, косо поднимающуюся от дна, и быстро – холодно всё же! – выбрался на берег. И только когда вытерся холщовым полотенцем и вытряхнул воду из ушей, заметил, что туман стал редеть, и услышал откуда-то издали и сверху рокот нескольких моторов.

Ближний наш аэродром располагался неподалёку, мы его и возню людей в комбинезонах или военной форме у полудюжины истребителей С-16 Сикорского видели слева у дороги в Юньки. Аэропланы пролетали над нами и удалялись в сторону Постав, в сторону фронта – и

¹ Любителем.

вчера, и позавчера, в ясные дни. Но когда они могли взлететь в таком густом тумане – и как они найдут, возвращаясь, свой аэродром?

Это – первое, что пришло мне в голову. А чуть позже я осознал, что звук моторов – другой. Не такой, как свистящий треск ротативных «гномов» наших истребителей. Более низкий, рокочущий...

Ещё не осознавая до конца, что летят немецкие бомбардировщики, я поспешно одевался, чтобы бежать к дому. И в это время туман совсем поредел, и я увидел и узнал две тройки двухмоторных бипланов, плывущих с запада на высоте много полторы версты. АEG G-III, их невозможно не узнать по угловатым моторам, едва не упирающимся в верхнее крыло, двойным шасси и характерному хвостовому оперению – в университетских аудиториях регулярно появлялись брошюры «Знай своего врага» с раскрашенными картинками.

Вражеские аэропланы летели, невидимые над слоем тумана, стелющегося по самой земле – а теперь туман поредел, и они заметят наш аэродром с прикованными к земле истребителями. И наши отчаянные летуны не успеют взлететь – их С-16 будут просечены осколками и пулями...

Это будет у аэродрома пятью минутами позже – разрывы бомб и треск пулемётов, «парабеллумов» с немецких аэропланов и «максимов» наших зенитчиков. Но прямо сейчас замыкающий крестonosный бомбардировщик ещё снизился и сбросил на наш приметный дом две бомбы.

Наверное, небольшие бомбы: я был уже в полусотне шагов, когда они лопнули, одна – в середине дома и вторая у самой веранды, а осколки до меня не долетели. Только чуть толкнула в грудь взрывная волна.

Наверное, небольшие бомбы; но вырвало, выбило наружу окна и двери, и дом загорелся, и через минуту-другую я вытаскивал из пожара ещё тёплые тела самых дорогих для меня людей на свете...

Я возненавидел тевтонов.

Навсегда и не рассуждая, не разделяя на хороших и плохих, со всею их наукой убивать и просто наукой, если они ещё как-то разделяются. Со всею их хвалёной музыкой и лживой философией, напыщенным Гёте и безумным Ницше, с их омерзительной речью и такою же уверенностью в своём превосходстве.

А ещё от боли и отчаяния вдруг появилась в моей голове система. От боли и отчаяния, порождённых осознанием того, что проклятые немецкие бомбовозы перелетели линию фронта и пролетели десятки вёрст над нашей землёй в досягаемости не то что для пушечного, а ружейного и пулемётного огня. Пролетели досягаемые для огня, но не увиденные из-за тумана. Пролетели безнаказанными, не ссаженными с неба нашими стрелками и артиллеристами, не перехваченными нашими истребителями.

И вдруг я понял, как можно увидеть крылатого врага издалека и всегда, в любую погоду. Понял, что сквозь туман и облака, в самую непроглядную ночь, в дождь и выюгу от металла их аэропланов отразятся радиоволны. Только короткие, очень короткие волны, потому что длинные – об этом говорил мне отец, – их попросту обогнут, не заметив. Послать им навстречу короткую волну – и уловить отражённую. И по времени задержки угадать удалённость. И зная, куда послана волна и откуда пришло отражение, узнать направление...

И сразу же я понял, что сейчас это сделать ещё нельзя, но непременно станет возможным, и приближение этой возможности станет главным для меня. Но только не сейчас, потому что враг – рядом и ничего не надо ожидать и приближать, а надо взяться за простое смертоносное оружие и идти в бой.

Через три дня, схоронив родных на Юньковском сельском кладбище, я вернулся в Петроград. Выписался из университета, простился с лучшим и единственным своим другом, Артуром Фраучи, и подал документы на ускоренные офицерские курсы. В лётчики меня не взяли, да я особо и не стремился: слишком долгая подготовка. А подготовка пехотных младших командиров – самая быстрая и лучшая возможность встретиться с врагом лицом к лицу. И я четверть года осваивал нехитрые пехотные приёмы и правила – в то время, пока идея обрастала в моей голове деталями и подробностями.

Но делиться этой придумкой, тем паче сообщать о ней в Техническое управление армии, не было никакого смысла. Просто проекты, не подкреплённые техническим обоснованием, никому не были нужны. А достаточно мощных генераторов и усилителей нужных частот не было – я старательно читал на курсах, а затем выписывал на полевую почту профильные тематические обзоры.

И схема сличения прямого и отражённого сигналов для определения дистанции никак мне не давалась, даже безотносительно к элементной своей базе. Я уже чётко представлял, что прямой и отражённый сигналы надо выводить на экран осциллографа, и по расстоянию между отметками судить о расстоянии до аэроплана. Но как это сделать, как совместить с развёрткой, придуманной Леонидом Манделъштамом, не мог решить. Зато знал, что первый настоящий прибор, созданный Леонидом Исаковичем, пригоден только для малых частот, то есть для длинных волн, а усовершенствованием его у нас никто не занимается: во время войны – другие приоритеты, сейчас важнее всего аппаратура связи. Не до перспективных разработок сейчас и французам: им бы выстоять. О немцах я не хотел и думать. А вот англичане... их страна богаче и не так истерзана войной. У них можно поработать, когда мы победим.

В победе я и миллионы моих соотечественников не сомневались. А через что придётся пройти на пути к победе в первой («империалистической») и в последующей (Гражданской) войнах, сколько крови прольётся на русскую землю, никто даже не предполагал...

А ещё до второго решительного и, надеюсь, окончательного перелома в убеждениях, и последующего за этим – перелома в судьбе, – мне пришлось вплотную столкнуться с разведкой и контрразведкой. Можно сказать, я получил первый наглядный урок, который приглождался в последующие годы намного чаще, чем мне бы того хотелось. Произошло это осенью всё того же года.

Зри в корень

Первое моё разведывательное – точнее, контрразведывательное – дело возникло как следствие инициативы. Моей инициативы или скорее предположения.

После выписки из госпиталя, где мне достаточно быстро залечили два сквозных пулевых ранения, полученных, в дополнение к первому «Георгию», за успешную разведку боем, прикомандировали меня к узлу армейской связи в Баранове. Неслучайно прикомандировали: в кадрах нашей 8-й армии подняли моё тощенькое личное дело и сообразили, что армейский подпоручик, но без пяти минут инженер-электротехник, с большей пользой долечиваться будет, служа Русской армии по гражданской специальности, нежели где-то в учебной части запасного полка или просто в тылу.

Узел армейской связи был оборудован достаточно прилично. Здесь стояли две новых радиостанции английского производства, основной и дублирующий аппараты искрового радиотелеграфа, три телеграфных аппарата Юза, аппарат Бодо и телефонный коммутатор.

На пятом дежурстве, когда меня уже совершенно перестали воспринимать как пришлого и новичка, мне уже поручили обслуживать «верхний» аппарат на прямой линии спецсвязи (со Ставкой в Могилеве и Петербургом), стоящий в отдельной комнате. Как положено – с охраной, с выделенными шифровальщиками и ремингтонистами. Замечательный контраст с нелепицей и разболтанностью, которые процветают в строевых частях, и которые я успел вкусить за полгода до госпиталя.

Линия спецсвязи проходила дальше на юг, как несложно было догадаться, – к Одессе, Севастополю и Тифлису. Точный маршрут её прохождения составлял государственный и военный секрет в куда большей степени, чем кодировка адресатов или шифровальные блокноты, которые развозились ежемесячно фельдкурьерами. Собственно, маршрут её меня и не интересовал, пока...

Пока наше наступление на участке, где никаких серьёзных сил противника не предполагалось, не натолкнулось на мощное сопротивление и убийственный артиллерийский огонь немцев. Никаких немцев здесь не предполагалось вообще, а от прежнего нашего основного противника, австрияков, никак не ожидалось ни такой сильной артиллерии, ни такой умелой и упорной пехоты. Наступление, то есть попытка нашего наступления, обернулась большой кровью. И больше всего растрепали полк, в котором я начинал и заканчивал недолгую свою фронтową службу, в котором обрёл много друзей и ещё больше – разочарований. Мой полк.

Три дня гремела, ненадолго ослабевая, канонада, пока поднимали, срывая голоса, свои роты поручики – и пока подпоручики, а то и прапорщики, а то и унтера – уводили остатки этих рот, остатки мужиков в перепачканных грязью и кровью мундирах на исходные, в свои траншеи. Оставляя в воронках и разбитых траншеях первой линии вражеских окопов, или просто на поле между первой и второй линиями, старших по званию и таких же, только иссечённых свинцом и сталью, хлеборобов и разночинцев, тружеников и мечтателей...

Отголоски канонады хорошо были слышны и у нас, на узле связи. Но они не перекрывали писк морзянки и неумолчный стрекот телеграфных аппаратов. Суть происходящего стала понятна по первым же донесениям. Не только мне, естественно, – прежде всего штабу армии.

Но какое-то время сам Алексей Алексеевич и его начштаба, похоже, ещё надеялись, что у германских артиллеристов боезапас истощится, «зольдатен унд официрен» поредеют, а резервы не успеют подойти. Но радиоперехват – моя основная обязанность с тех самых пор, как выяснилось, что я умею читать немецкую морзянку и расшифровывать их простенькие коды, и оценили уровень моего немецкого, – эти упования развеял. Ещё, правда, оставалась надежда, что германцы дают в эфир дезинформацию, преувеличивая свои возможности. Эта

надежда обошлась новыми сотнями потерь на обходных направлениях и полным исчерпанием запасов у наших артиллеристов в неравной контрбатарейной борьбе.

Вот тогда штабс-капитан Терехов, начальник нашего узла связи, изволили обратить внимание на мои рапорты и расшифровки. А поручику Васенину, ответственному за ведение журналов входящих-исходящих телефонограмм и телетайпограмм, пришла в голову логичная идея сопоставить даты директив от штаба фронта и наших приказов командирам дивизий и корпусов, с моими расшифровками.

Вывод был однозначный и печальный: немцы получили доступ к линии нашей секретной связи. По крайней мере, к участку, связывающему командование Юго-Западным фронтом с нашей армией. Всего-то полторы сотни километров.

Доклад в штаб Терехов только обозначил, поручив основную часть мне.

Решение в штабе 8-й армии было принято быстро и по-военному: Контрразведывательному отделению приказали немедленно разобраться, устранить и доложить. А меня временно прикомандировали к КРО. Как специалиста.

Не могу не признать, что, по крайней мере, в одном жандармском управлении, в ВЖУ, ответственном за тылы нашей армии, служил настоящий профессионал. Не начальник этого управления и даже не его заместитель (полковник Мезенцев и жандармерии ротмистр Осипов находились во Львове), а их штаб-адъютант, тоже жандармерии ротмистр Андрей Русаков.

Вот от него я и получил уроки, которые впоследствии пригодились мне куда как чаще, чем хотелось.

Прежде всего, ротмистр выделил все населённые пункты по трассе прохождения кабеля связи от городка Броды, границы нашей ответственности, до ближних армейских тылов, где посторонних вычисляют и вылавливают немедленно. Используя непререкаемый авторитет Временного жандармского управления, ротмистр получил копию карты кабельных линий связи, в том числе и секретных.

А в Бродях располагалось закрытое разветвление кабельных линий, и по одному из плеч проходила наша коммуникация со штабом фронта. Сама заглублённая камера, где соединялись и разветвлялись кабели связи, находилась под круглосуточной охраной. Да и осмотр, доверенный мне и Догилеву, поручику из нашего контрразведывательного отделения, показал, что туда никто давно не проникал, и никаких посторонних подключений нет.

Предстояло теперь проследить всё немалое плечо кабеля от Брод до наших ближних тылов. Но ротмистр Русаков начал не с поездки по трассе, а с анализа донесений обо всех происшествиях в расположенных там городах и сёлах. Таких оказалось немало, а из них Русаков выделил четыре, связанные с ведением топографических и земляных работ, и пропажей или смертью трёх человек, в том числе мальчишки-разносчика Петрика Шпонько, который накануне исчезновения рассказывал друзьям, что герои фильмов в передвижном синематографе разговаривают по ночам на птичьем языке.

Мы уже к тому времени отметили, что на территории, поднадзорной ВЖУ, объявился некий передвижной синематограф с причитающимся случаем названием «Иллюзион Биоскоп». А я как-то сразу сообразил, что «птичьим языком» мальчишке из подольского захолустья мог показаться быстрый щебет морзянки.

Тут начальник Бродовского пункта жандармерии, участник нашего расследования, встрепенулся:

– Так этот «Иллюзион» теперь в Мизоче. Это совсем недалеко отсюда. Но на здешней земле вроде ничего такого не происходило, а это шапито уже вторую неделю как в Мизоче.

– А что этот Мизоч? Хлебное место? – спросил ротмистр.

– Да какое там! – отмахнулся жандарм. – Убогий городишко, прости господи, не знаю, как чем там и живы.

Ротмистр Русаков будто и ждал этих слов и подхватил:

– Там публики и на три сеанса не наберётся, не так ли?

– Совершенно точно, ваше благородие, – подтвердил Савицкий, начальник Бродовского жандармского пункта.

– Едем в Мизоч, – распорядился жандармский ротмистр. А уже в авто, под стрёкот мотора, сказал: – Так чем нас более всего беспокоил этот «скитающийся Люмьер»?

– Известно чем, – опередил мой ответ Догилев. – Три покойника или без вести пропавших по пути гастролей этого «Иллюзиона». И все тем или иным боком связаны с этим шапито.

– Куда любопытнее мне стало, – усмехнулся Русаков, – что этот «кровавый», прости Господи, аттракцион путешествует, ничуть не придерживаясь соображений финансовой выгоды.

– Весьма интересно, – согласился Догилев. – Хотя и мне приходил в голову вопрос, на чём в действительности зарабатывает со своим балаганом хозяин. Но я склонялся к предположению о контрабанде или ещё каких-то нарушениях режима. А чем вы руководствовались, позвольте полюбопытствовать?

– Наблюдениями над местным населением. – Ротмистр пригладил усы. – Три четверти обывателей здесь неграмотные вообще, а остальные читают кто по-немецки, кто по-польски или малороссийски, а русским владеют единицы. Ну а фильмы – с русскими титрами, других цензура не допускает. Кто к нему пойдёт на второй-третий сеанс? Нормальный прокатчик не мог этого не знать заранее и не сунулся бы сюда.

...Вход в подземелье нашёл сам ротмистр. Ещё раз придирчиво осмотрелся в шатре, затем выбрался наружу, чуть помедлил и направился к будке кассы, сборной клетушке с откидным столиком. А перед ней – тамбур.

Квадрат дощатого настила в тамбуре и был искомым люком. Под люком темнел колодец полуторасаженной глубины, на полфута забросанный бумажным хламом. Из колодца вёл подземный ход, высокий, так что можно было идти, не пригибаясь. На глинистых стенах в большой камере, которой заканчивался подземный ход, не было ничего, кроме крючьев для керосиновых ламп, ниш – одной над другой, да полотнища, пришпиленного к стене проволочными скрепами.

Справа и слева на прорезиненное полотнище выползали чёрные каучуковые змеи кабелей. Посередине оба они были аккуратно обструганы, точно карандаши, до ленточной стальной оплётки. Далее виднелась коричневатая от пропитки бумага, свисали разлохмаченные нити ещё одной изоляции – и так до собственно медных жил, до проводов. К которым, судя по густой штриховке царапин на них, цеплялись так называемые «крокодильчики» – клеммы подслушивающего устройства.

– Так это, выходит, подключение к нашему телеграфному кабелю? – только и спросил поручик Догилев.

– Проще сказать, подключение непрошеного телеграфного аппарата на приёме, – похлопал ротмистр ладонью по дубовой полке верхней ниши.

На ней и были вырезаны пазы и ячейки, – для крепежей, судя по размерам, телеграфного аппарата Клопфера, бобин с лентой. На полочке в нижней нише тоже был вырез размером с портативный «ундервуд». Я прикинул – скорее всего, для криптографической машинки.

– Едем в штаб, – подвёл Андрей Маркович итог. – Дело серьёзнее, чем я даже думал. Поднимаем тревогу – может, ещё удастся перехватить шпионов. И выяснить, кто их предупредил о нашем розыске. Боюсь, мало нам, сыскным псам, будет радости принести этакую дичь господам генералам. Тут надо делиться. И боюсь, что не только благодарственным сахарком, но и пинками под хвост...

...Больше мы с ротмистром Русаковым не встречались. Даже не знаю, пережил ли он смутные времена, когда жандармов отстреливали только за мундир, не разбирая ни направление работы, ни уровень профессионализма, ни реальные политические симпатии.

С поручиком, затем со штабс-капитаном Николаем Догилевым я тоже не встречался, хотя его визу на моих документах о переводах во всё более значительные службы, и так до штаба генерала Деникина в бытность Антона Ивановича командующим Юго-Западным фронтом, я узнавал. Последним его участием в моей судьбе стал рапорт о непригодности использования меня в частях демократической армии новой России, как отъявленного монархиста и противника Февральской революции.

Первое никоим образом не соответствовало действительности, второе же требовало существенных уточнений. Но рапорт, сохранённый в документах Белого движения, исполнил в своё время положительную функцию.

А вот сам штабс-капитан ничего не достиг и не исполнил: получил пулю при попытке остановить полуроту дезертиров, весьма радикально среагировавших на риторику февральских лидеров.

Перемена участи

Мне же лето 1917 года подарило несколько примечательных событий и встреч. Началось всё, правда, ещё весной и весьма драматично: германские аэропланы пролетели к ближним тылам нашей армии, обогнув расположение противосамолётной артиллерийской батареи, и сбросили бомбы на квартал, где располагался ещё за два дня до того штаб. Сработала их разведка, да с некоторым опозданием. Частичным опозданием, увы: наш пункт связи, который к тому времени ещё не успел поменять диспозицию, попал под бомбардировку.

Потери наши, правда, оказались невелики – разбит один аппарат Морзе и ранено двое офицеров. Я – в их числе. И в Курском военном госпитале, куда меня направили на излечение, меня нашло письмо от Артура Фраучи, самого моего близкого приятеля по Петроградскому Петровскому политехническому институту.

Почта ещё работала исправно и после третьего письма, совпавшего со временем моей выписки на долечивание в домашних условиях, состоялась наша встреча.

Мне, честно говоря, поначалу было не совсем понятно, почему Артур променял важную для воюющей России работу проектировщика в Metallургическом бюро профессора Грум-Гржимайло на службу в Управлении по демобилизации армии и флота. Ни в его квалификации – он, золотой медалист, окончил с отличием отделение Политехнического института имени Петра Великого, – ни в патриотизме его, россиянина во втором поколении, я не сомневался. Но сам для себя нашёл объяснения.

Сначала то, что деятельная натура сына швейцарского итальянца и эстляндки требовала результатов более скорых и наглядных, чем долгие металлографические исследования.

А позже, когда мы проработали бок о бок в Управлении по демобилизации в бурлящем котле донельзя политизированного Петербурга и во время выездов в губернские комиссии, нашлось ещё и другое объяснение. То, в котором я уверен и по сей день.

Политические симпатии, которыми Артур щедро делился со мною в годы студенческой дружбы, теперь переросли в его душе в настоящие убеждения.

И вскоре перешли и ко мне.

...А во второй половине декабря я возвратился на службу в армию, – насколько это ещё можно было назвать армией. Раскол страны на несколько больших масс – я не называл их классами, как это делал шурин Артура, большевик Кедров, – накатил и на армию. За много полгода между моим ранением и возвращением в строй она совершенно преобразилась. Живописать сие не стану – без меня перьев найдётся достаточно, – тем более, что собственно мою службу, армейскую связь, прибежище технических специалистов, перемены затронули в наименьшей степени.

Перемены же во мне самом и вовсе афишировать не следовало. Хотя, по совету Артура, моего одноклассника, более опытного в подпольной работе, в новые, советские документы мне вписали уже другую фамилию. Я сам её себе придумал – «Юньковский», от названия села Юньки, которое с давних, чуть ли не Елизаветинских времен, было родовым поместьем моих предков. Села, на окраине которого стояли кованые чёрные кресты над могилами матери, отца и сестрёнки и где до сих пор, наверное, зияли провалы в кровле родительского дома, в который я никогда не вернусь. Только записали мою новую фамилию неправильно, на слух – получилось «Янковский». А позже как-то потеряли букву «к», и получилось очень конспиративно – Яновский.

Оперативный отдел ВЧК в эти дни только формировался, Иностраннный отдел как структура ещё не существовал, хотя уже создавалась сеть зарубежной агентуры – при самом актив-

ном участии Артура, уже называющего себя Артузовым. Несколько человек из «первого призыва», кстати, отобранные лично им, полиглотом и умником, успешно проработали три и даже четыре десятка лет.

Что касается лично меня, то решение, принятое на уровне Менжинского, звучало примерно так: пока работать здесь, в России, но с перспективой заброски на Запад.

«Только не в Германию», – в тот момент подумал я, хотя и знание немецкого языка, и мой внешний типаж как бы предполагали это направление.

Наверное, большинство из тех, кто пережил фронтовые, да и морские столкновения с тевтонами, меня понимают, а уж те, кто потерял от их рук близких своих, – так понимают наверняка.

...Мне следовало соблюдать внешний политический нейтралитет, не показывая ни армейскому начальству, вплоть до последнего моего места службы в Добровольческой армии, ни всевозможным Советам, включая преимущественно эсеровские, а то и большевистские по составу, на что направлена действительная моя работа.

В сущности, соблюдать это было несложно. Любым сколь-нибудь крупным воинским формированиям требовалась нормальная – не на уровне вестовых, – связь, особенно в условиях мобильной войны, когда не было сплошной линии фронта, разве что на отдельных участках, например под Царицыным или на Перекопе. Все командиры, начальники и атаманы понимали это. А если не понимали, то быстро и почти всегда бесславно канули в небытие вместе со своими формированиями. Так что специалисты по связи требовались всем – и многим из них, в том числе и мне, прощались уклоны от новых веяний. И уж, во всяком случае, не требовалось бурных проявлений корпоративного патриотизма.

Положение старшего, а затем и главного офицера-связиста давало мне возможность читать все донесения, работать на любом из наших, импортных и даже трофейных аппаратов и в любое время суток. Тем более, что я зарекомендовал себя специалистом по перехвату радиотелеграфных и радиосообщений, их расшифровке и интерпретации. Старшим командирам это помогало в оперативном планировании (воевать, до начала двадцатого года, приходилось не только и не столько с Красной армией), а мне – входить в доверие и успешно передавать своим всё, что хоть в малой доле, но способствовало удачным боевым действиям.

Конечно, не всё там, на фронтах (кстати, фронта как такового, со сплошными линиями окопов и заграждений, до середины двадцатого, когда загнали Вооруженные силы Юга России в Крым, почти что не бывало) и театрах военных действий, получалось так, как было запланировано здесь, и какие принимались контрмеры «там», у наших.

Помню, весной девятнадцатого, когда генералы Слащёв и Кутепов вели свои дивизии с боями по Тавриде на восток, навстречу дончакам, было решено поддержать армейские операции ударами и десантами с Азова.

О переговорах Антона Ивановича и армейской верхушки с вице-адмиралом Саблиным и плане большого десанта в Мариуполь мне удалось предупредить наших заблаговременно.

Радиоперехват сообщения от коменданта Мариуполя командованию Южного фронта о том, что в порядке защиты от возможной атаки с моря залив и гавань защищены минным заграждением, я прочёл и, естественно, ни в какие сводки не внёс. Ни десант, ни даже эффективный обстрел промышленного города, откуда соединенными силами рабочих отрядов и анархистов Махно недавно были выбиты войска Донской армии, не должен был состояться.

Но человеческий фактор сработал по-своему...

Мариуполь

Настоящей канонадой это нельзя было назвать, иногда по несколько часов не доносились раскаты орудийных выстрелов и снарядные разрывы, но всё равно гремело уже недалеко. И с каждым днем всё ближе и ближе.

Бывший инженер-лейтенант Императорского флота, ныне – начальник оперативной связи «красного» Мариуполя Леонид Матусевич так и сказал коллеге, белобрысому, немецких кровей лейтенанту Теодору Ломману:

– Наши уже близко. Дня три, не больше.

Теодор, он же Фёдор, – а за глаза его иначе как «лоцман Ломан» и не называли в соответствии с главной его морской профессией, которой он владел исправно, ответил без особого на то энтузиазма:

– Может, три, а может, больше. Этот военком, Апатьев, уже вроде полтысячи штыков набрал, завтра выступают.

Матусевич только рукой махнул.

– Пятьсот ополченцев против кадровых дивизий? Тут тебе, брат, не Фермопилы будут, а избиение младенцев.

– Какое-то время продержатся. А там, неровён час, махновцы вернутся или ещё какая сволочь. Красным наш город и порт ой как нужны. – Ломман отодвинул пустой стакан в фирменном подстаканнике Кавказского пароходства.

Чай у начальника Оперсвязи Мариуполя был настоящий, колониальный. Всеобщие в разорённой войною России превеликие продовольственные трудности в портовом городе ощущались не так заметно. Рыбка и в Азове, и на столе в кабинете на втором этаже, над комнатами телетайпистов и коммутатором, не переводилась. Вот только вместо хлеба были жёсткие сухари из продпайка неведомо какого войска.

– Вот, расщедрились. – Ломман с заметным усилием отломил осьмушку сухаря, закинул её в рот и продолжил, ещё не разжевывая: – Двести восемьдесят мин, почти весь арсенал флотилии выделили: на семь линий заграждения всей бухты. Если так с моря закрываются, то и на суше обороняться будут отчаянно.

– Так вы всё, закончили постановку мин? – спросил Матусевич с несколько странной интонацией.

Теодор, который «лоцман Ломан», понял её по-своему:

– А что прикажешь делать? На обеих тральщиках – братишки наглухо распропагандированные, «революционную сознательность» проявляли вовсю, так что рогатые шарики выставлялись по всем правилам. Я только фиксировал координаты да проводил потом тральщики в порт по чистому фарватеру. Да что я тебе рассказываю, ты же сам передавал рапорт в штаб красных.

Матусевич кивнул и отозвался с той же интонацией:

– И что теперь, ни один серьёзный корабль сюда не прорвётся? Вот уж тебя наши отблагодарят, когда Слащёв с лишней кровью, но всё же возьмёт Мариуполь.

– Да уж... Рядышком с тобою, кстати, поставят к стенке, – согласился Теодор. А затем спросил, глядя Леониду Матусевичу в глаза: – А что, есть варианты?

Начальник оперативной связи поцокал ногтем по панели корабельной радиостанции, занимающей добрую четверть кабинета. Чуть помедлил и сказал:

– Принимал я сообщения наших. Подготовлен десант. Крейсер «Кагул» – ну ты знаешь, он тогда отличился, раздолбал красных на Ак-Монайских позициях, – эсминцы, канонерки. Два батальона пехоты. Хватит и на город, и вломить с тыла Апатьевскому отряду. К завтрашнему вечеру должны подойти на внешний рейд.

– Но войти в бухту... – начал Теодор.

– Ты их должен провести по секретному фарватеру. Я свяжусь с «Кагулом», предупрежу и договорюсь. Работаем?

«Лоцман Ломан» отнюдь не был тугодумом. В считанные секунды он понял, что при таком раскладе их служба «на красных» приобретает совершенно иной смысл, – они становятся не изменниками Белому делу, а достойными соратниками и вполне могут рассчитывать не на расстрел, а на награду.

Поэтому и сказал только, не вдаваясь в несущественные в данной ситуации резоны:

– Я тебе сейчас запишу координаты внешней минной завесы – передашь, чтобы остановились в паре кабельтовых. Но затем нам надо попасть на эскадру...

– А твои лоцманские катера?

– Нет, они на приколе, без команды коменданта порта не выйдешь.

– А если взять шаланду у рыбаков? – быстро переспросил Матусевич.

– Так они тебе и дадут. А вот весельный ялик в учебке взять можно. Пройдём вдоль берега до пустыря, а там – по проходу, я как знал, оставил его.

... На следующий день, когда радиоперехват однозначно подтвердил выдвижение к Мариуполю эскадры с десантом, из кабинета начальника оперсвязи на борт крейсера «Кагул» ушла радиограмма, не зафиксированная ни в одном журнале. В ней было предупреждение о минировании, координаты внешней линии минной завесы, обещание лоцманской проводки и просьба о подтверждении приёма сообщения.

Первое подтверждение приёма пришло менее чем через час.

А второе – когда эскадра появилась уже в зоне видимости, но ещё вне зоны досягаемости огня последних двух мариупольских трехдюймовок, не увезённых на фронт.

Радиограмму с указанием конкретного способа прибытия («два офицера на весельном яле») удалось отправить позже, после того как Матусевич и Ломман побывали на экстренном совещании в кабинете коменданта Мариуполя.

Ещё не ведая беды...

И Матусевич, и Ломман были одеты как обычно – в расстёгнутых матросских бушлатах поверх офицерских мундиров без знаков различия, а хозяин, «красный» комендант, в прошлом унтер, и комиссар, седоусый «дядя» по фамилии Никулин, из бывших моряков, – в мотоциклетных кожанках. Ещё трое участников совещания были из городского Совета; и по их инициативе как раз обсуждалась животрепещущая тема – уход последнего эшелона с арьергардом махновской дивизии.

Всего две недели прошло с тех пор, как махновцы – весьма боеспособные и тактически грамотные, – почти без потерь отеснили от города и отогнали вёрст на тридцать чубатых дончаков. А вчера, после бурного выяснения отношений, бравые анархисты уселись кто на коней, кто на свои тачанки, кто в два «реквизированных» со стрельбой и мордобоем эшелона и укадили в сторону Юзовки.

Климович, из Совета, как раз требовал немедленно направить Муравьёву, Фрунзе и Троцкому телеграммы с требованием вернуть распоясавшихся анархистов или прислать дополнительные части для защиты города. На что комиссар Никулин только безнадежно махнул рукой и обронил солёное матросское словцо.

И комендант тоже сказал с досадой, обращаясь почему-то к новоприбывшим:

– Вот, извольте видеть, товарищи! Эти махновцы – как ордена получать, так пожалуйста, а слово поперёк сказали – снялись и укатили, да ещё эшелон угля увели.

– Три платформы, – поправил его комиссар. – Но всё равно, каковы суки, а? И как теперь город защищать?

Матусевич осторожно сказал, стараясь никак не выдать ни своего отношения к происходящему, ни своей информированности:

– Но этот наш, замвоенкома, Апатьев собрал... Как его...

– Первый Мариупольский ударный советский батальон, – подсказал Климович.

– Ну, так вот. Защитят город. – И Матусевич не поспешил даже на некий, чуть ли не на плакатный жест: выставил раскрытую ладонь.

– Защитят – это вряд ли, – комендант, участник двух кампаний на Юго-Западном фронте и боев с «сичовиками» на Херсонщине, оценивал обстановку достаточно трезво. – Но продержатся, пока наши с севера подойдут.

Комиссар Никулин тоже не пылал оптимизмом. Так и сказал:

– Может, пару-тройку дней и продержатся. Если в спину им не ударят. Зря, что ли, к нам эскадра беляков подплывает? Высадят десант – и всем кранты.

Вот тут-то счёл самым подходящим моментом подать голос и «лоцман Ломан»:

– Ваши опасения преувеличены. Семь линий минных заграждений перекрывают вход и в Таганрогский залив, и в нашу гавань.

– Пусть только сунутся, – подхватил Матусевич, – такой фейерверк начнётся! Опасность с моря исключена.

– Если мины сработают. Вы, служивые, должны помнить, как в четырнадцатом тот проклятый «Гебен» топтался прямо по минному полю и добрых четверть часа лупил по Севастополю. И ушёл, сука, безнаказанным.

«Служивые», равно как все прочие черноморцы, конечно же помнили, о чём речь. Даже те, кто в тот памятный день не оказался в Севастополе...

В то раннее утро линейный крейсер «Гебен» – он же флагман турецкого флота «Явуз Селим Султан», – вынырнул из тумана почти что на траверзе Северной бухты, где стояли

на банках и якорях больше половины кораблей Черноморского флота России. Приблизился, вышел на внешний рейд и открыл огонь.

Несколько раз, пока 280-мм орудия линейного крейсера посылали трехсоткилограммовые снаряды на Севастополь, датчики линии гальванических мин, установленных на внешнем рейде, срабатывали, отмечая контакт со стальной громадой «Гебена». Датчики срабатывали, – а взрыватели гальванических мин не были включены. И пока шли переговоры и согласования, линейный крейсер с обоими своими эсминцами сопровождения отвернул мористее и скрылся в тумане...

Матусевич подтвердил с искренним сожалением, поддерживая официальную версию причин произошедшего в 1914 году:

– Да, проспали тогда в Севастополе, не успели включить линию гальванических мин. Но, – тут же он включил мажорную интонацию, – здесь у нас только контактные и магнитные мины, эти не подведут.

И, только сказав, спохватился, что проявил знание, вовсе не входящее в компетенцию связиста.

Но, оказалась, на это никто больше не обратил внимания. Комендант спросил только:

– А белые о наших минах знают?

Ломман развёл руками.

– Да, постановку мин утаить не удалось. Даже аэроплан их прилетал, разведывал...

Комиссар Никулин ещё раз посмотрел в окно, обращённое к Таганрогскому заливу, прищурился на ясно различимый силуэт трехтрубного крейсера, на тёмные линии канонерок и катеров, и с сожалением покачал седеющей головой.

– Не зря эскадра остановилась возле вашей «первой линии». Тральщики своих небось ждут.

Матусевич ещё раз проявил осведомлённость, не соответствующую его должности, и опять никто, кроме Ломмана, не обратил на это внимания.

– Мины защищены противотраловыми зарядами. Так что траление – дело долгое. Успеет к нам подкрепление подойти.

Тут Ломман решил несколько повернуть разговор, чтобы никто не успел задуматься над репликой партнёра:

– А схема постановки минных полей засекречена и надёжно спрятана.

Воцарилась непродолжительная пауза. Затем комендант Мариуполя спросил только:

– А не лучше ли её вообще уничтожить?

Вот тут уже Ломман сказал с искренним, неподдельным возмущением:

– Как можно? Нам же самим надо будет всё разминировать... Когда опасность минует.

Никому из присутствующих, кроме Леонида Матусевича, естественно, и в голову не пришло, что под «опасностью» Ломман подразумевает советскую власть.

Совещание вскоре завершилось – обстановка отнюдь не способствовала долгим разговорам. И спустя несколько часов из узла оперативной связи, которым заведовал бывший инженер-лейтенант Черноморского флота России Леонид Матусевич, ушла собственноручно отправленная им радиограмма:

«Кагул».

Конфиденциально, срочно.

Флагману эскадры.

Вход в залив и гавань заминированы. Достоверная карта всех линий заграждения имеется. Примите в 6.00 с NW весельный ял с двумя офицерами для разъяснения обстановки. Ждём подтверждения.
М-порт.

Ответная радиограмма поступила менее чем через час. Нормальное время для согласования, принятия решения и отправки. В ней «М-порту» от имени Флагмана разрешалось прибыть на борт минного катера № 7, выдвигаемого в условленное время на NW от основной группировки.

...Время было выбрано неслучайно. На этой широте в середине марта едва начинает в пять часов брезжить рассвет, но к шести утра уже светает.

От артельных мостков офицеры отчалили вообще никем не замеченными. А когда – через полчаса – береговой патруль всё-таки заметил уходящий в море ялик, стрелять уже было поздно.

Преследовать весельный ялик было не на чем: дизельные лоцманские катера и оба баркаса с паровыми машинами стояли на приколе, разрешение на выход в море мог дать только капитан порта, а мог и не дать: мины не разбирают, где там свои, а где чужие. И стоило ли поднимать шум из-за какого-то ялика?

Вот так Матусевич и Ломман выгребли за внешнюю линию минного поля, а затем, преодолевая невысокую резкую азовскую волну, догребли ещё кабельтов до минного катера № 7.

С катера им сбросили штормтрап, на палубе обыскали, тщательно, но не грубо. Затем катер, взревев мотором, заложил разворот и помчался к «Кагулу».

И вот кают-компания крейсера, где самозванных помощников ожидают командир «Кагула», капитан 1-го ранга Остелецкий, седовласый морской волк со знаками различия Вооруженных сил Юга России, начальник штаба эскадры кавторанг Потапов и трое старших офицеров, – один морской и два пехотных, командиры десантных батальонов.

Старшина бригады катеров, испросив по-уставному разрешения, ввёл в кают-компанию Матусевича и Ломмана, в форме офицеров Русского императорского ЧФ, с погонами и нашивками.

Матусевич – он вошёл первым, – отдал честь и обратился к старшему по званию:

– Здравия желаю, ваше превосходительство. Разрешите представиться?

Каперанг Остелецкий выдержал паузу и только затем сухо бросил:

– Позже. Вы прибыли для разъяснения обстановки?

– Так точно, – отрапортовал Матусевич, не подавая виду, что рассчитывал на несколько иную интонацию. – Подходы к гавани Мариуполя заминированы.

– Это нам известно, – так же сухо бросил Остелецкий. – И это всё?

– Никак нет, – невольно сглотнул Матусевич. – Мы располагаем достоверной схемой постановки минных полей.

– Вот как? Забавно... – произнёс тем же тоном капитан 1-го ранга; на секунду его взгляд остановился на пакете в руке у Ломмана. – Вы её доставили?

– Так точно. Извольте получить.

Капитан 2-го ранга Потапов выступил вперёд.

– Разрешите, ваше превосходительство?

– Да, прошу, – кивнул Остелецкий.

Ломман достал из пакета сложенную вчетверо карту и подал её Потапову.

Начальник штаба развернул карту и, близоруко щурясь, начал просматривать.

На несколько секунд возникла пауза, которую осмелился нарушить Матусевич, повторив, что карта совершенно достоверна.

– Достоверна? – поднял голову кавторанг. – Столь же не соответствующая действительности, как ваши погоны?

В сущности, в сравнении не было ничего оскорбительного: погоны и нашивки в своё время были совершенно уставными и вполне заслуженными; а то, что время изменилось весьма кардинальным образом, вины ни Ломмана, ни Матусевича особой не было, равно как не было у них возможности одеться по нормам флота Вооружённых сил Юга России. И всё же Фёдор-Теодор с некоторой излишней даже горячностью возразил:

– Карта составлена мною лично: как начальник лоцманской службы, я непосредственно участвовал в постановке мин, промерах и провешивании фарватеров. Отвечаю за каждую точку!

Командиры и старшие офицеры эскадры переглянулись. Общую мысль высказал все тот же кавторанг Потапов.

– Войти в порт... Без потерь... Десантироваться прямо на пирс... Заманчиво.

– Лоцман? – переспросил Остелецкий, разменявший третий десяток лет службы на Чёрном море. – «Лоцман Ломан»?

– Ну, так меня прозывают, – не по-уставному ответил лейтенант.

– Вы гарантируете проводку эскадры в акваторию? – уже по-деловому спросил капитан 1-го ранга.

– Так точно. Готов первым пройти по фарватеру.

– Не на весельном яле, надеюсь? – подал голос Потапов.

– На любом судне или корабле, по вашему указанию. Ширина оставленных секретных проходов и глубины гарантируют безопасность.

Офицеры ещё раз переглянулись; затем Остелецкий скомандовал:

– Пойдёте на головном катере, – и указал на флаг-старшину, всё это время стоявшего навтыжку за спинами гостей из Мариуполя.

Затем обратился к бывшему инженер-капитану:

– Вы тоже лоцман?

– Никак нет. Инженер-капитан Матусевич, связист, Черноморский флот. А здесь... исполнял обязанности начальника узла связи. Радиопереговоры с «Кагулом» вёл непосредственно.

– Следовательно, в проводке через минное поле вас привлекать бессмысленно?

Матусевичу на миг показалось, что у командира вот-вот сорвётся с губ приказ отправить его, фактически прислужника красных, на гауптвахту, а то и попросту расстрелять. И он поспешно сказал:

– Я располагаю полными данными об организации защиты города и порта, расположении артиллерийских батарей, численности и вооружении остающихся в городе войск.

– Какова противодесантная оборона? – быстро спросил начальник штаба.

– Минимальная. Две полевые трёхдюймовки, с десятью снарядами на ствол, дислокация отмечена на карте. Дежурное Отделение охраны – двадцать человек, у всех только винтовки. И по тревоге к месту высадки десанта выдвигается взвод комендантской роты при двух пулемётах.

Не больше минуты понадобилось каперангу Остелецкому для принятия решения:

– Приступаем, господа офицеры.

И вот в полукабельтове за минным катером по безопасному секретному фарватеру в акваторию порта прошла первая канонерка и спокойно, как на учениях, тремя выстрелами из носового орудия подавила береговую батарею. Затем обе скорострельные пушки Гочкиса с

канонерки сыпанули дюймовыми снарядами по казарме и постам охраны – и высадка десанта фактически была обеспечена. Вскоре прямо у причалов Мариупольского порта швартовались корабли и суда эскадры, и на пирсы сходили – да ещё под знаменитое «Так громче, музыка, играй победу...» старательного оркестра, – с палубы эсминцев, канонерок и транспорта вооруженные матросы и солдаты.

Дальше всё в городе происходило, как в предшествующие разы после смены власти. Кто-то выбирался из укрытий, а кто-то уходил в подполье, менялись составы городской администрации, титулы газет и большинство в Советах, кого-то выпускали из тюрем, а кого-то бросали за решётку, в новые комендатуры и службы безопасности ворохом сыпались доносы – и нередко оборачивались расстрельными списками.

Командованию противостоящих войск уходили реляции, доклады и донесения. Такие, например:

*Срочно. Секретно.
Штаб Южного фронта.
Особый отдел.*

Источник «Сова» сообщает, что эскадра деникинцев беспрепятственно вошла в порт Мариуполя и высадила десант, свыше тысячи штыков. Город захвачен.

Батальон Апатьева разбит у Решетиловки.

На них реагировали – например, так:

Особому отделу ВуЧК.

Противнику – эскадре Черозморей ВСЮР, – предположительно была выдана схема минирования гавани Мариуполя. Десантирование войск белогвардейцев непосредственно в порту привело к падению города и усложнению оперативной обстановки.

Прошу выяснить обстоятельства предательства и наказать виновных.
Нач. штаба Южного фронта.

На тот момент – когда существовала реальная угроза развития наступления белогвардейских войск на юге России, – было не до наказания виновных, сколь бы ни «осложнилась оперативная обстановка» из-за высадки десанта. Но «выяснение обстоятельств» никак не отменялось, оставалось в числе актуальных задач чекистской контрразведки, разве что откладывалось до благоприятного случая.

За последующий год Мариуполь ещё пять раз переходил из рук в руки – дроздовцы и красногвардейцы, махновцы и повстанцы, войска Врангеля, и вновь – уже окончательно – наши. Вот тогда и появилась первая информация.

Бывший комиссар Мариупольской комендатуры, который сумел с небольшим отрядом отбиться от авангарда десанта и отойти к своим, припомнил внезапное исчезновение начальника оперсвязи и начальника лоцманской службы непосредственно перед десантом.

Телеграфист, один из немногих переживших все перемены властей, показал, что бывший его начальник вдруг появился, когда пришли деникинцы, в офицерском флотском мундире, а через пару дней отбыл вместе с эскадрой.

А старик лоцман, которого не мобилизовали ни одни из временных «правителей» и начальников, безо всяких серьёзных расспросов показал, что их благородие «лоцман Ломан» лично проводил в порт военные корабли, поскольку сам раньше ставил мины в заливе.

Прямых доказательств предательства ещё не было – но сотрудничество с врагом уже само по себе подлежало наказанию. И в донесении мариупольцев – наряду с ещё дюжиной фами-

лий коллаборационистов, которых не удалось схватить в городе, – были названы и фамилии Леонида Матусевича и Ломмана, то ли Фёдора, то ли Теодора. Эти фамилии были внесены в розыскные списки особых отделов 4-й армии, особых отделов советского Черноозморея и позже Пограничных особых отделов.

Но – только фамилии. Ни личных дел с фотографиями в Мариуполе не сохранилось, ни каких-то фото, на которых предатели были бы запечатлены.

Конечно, это произошло позже, уже после того, как рассеялся дым труб полторы сотен кораблей, уходящих из Крыма к Босфору.

Когда Гражданская война закончилась.

Далеко и долго

Гражданская война закончилась.

Не для всех, конечно: не закончилась она в том числе и для меня – секретного агента Оперативного управления ЧК, а затем ИНО ВЧК.

Артур мне так и сказал, когда я прибыл по вызову к нему в Москву, на Лубянку:

– Ну, надеюсь, ты понимаешь, что наша работа не закончилась после взятия Крыма?

Конечно, я понимал точно так же, как и то, что теперь предстоят другие задачи и другие действия, всё теперь придётся выстраивать иначе. Не так даже, как тогда, когда Артур увёз меня с собой в Архангельскую губернию и, пока он там формировал и возглавлял ополчение, я – «белогвардейский офицер с безукоризненной репутацией», – тесно и плодотворно сотрудничал с командованием Экспедиционного корпуса интервентов. В нашу пользу, естественно.

Понимал также, что внедрение в более-менее значимые для нас структуры в Англии, не простое даже во времена взаимного сердец лобызания во времена Антанты, сейчас усложнилось на порядок. Да что там внедрение – паче даже легальное, а тем более нелегальное проникновение на туманный Альбион превратилось в проблему. Всех, кто ушёл с последней эскадрой из крымских портов, уже пересчитали и переписали соответствующие службы «принимающей стороны». И конкретно в Англию – это уже было зафиксировано в аналитических сводках ИНО, которые Артур мне дал просмотреть, пока «текущее и неотложное» не давало возможности пообщаться как следует, – из белоэмигрантов попадали совсем немногие. Десяток представителей из самых громких, «великосветских» фамилий, чуть больше – из политической и финансовой элиты. В большинстве же своём эмигранты – те, кто не ушёл с флотом в Бизерту, – перебирались из Турции, где всё ещё тлела эта их гражданская война, на север, в Сербию и Болгарию, и дальше в Чехию, Австрию, Германию. И на запад: во Францию. И за океан – во все Америки.

Полностью нелегальный путь внедрения в Англию, наиболее перспективную страну для создания аппаратуры радионаблюдения, рассматривался как возможный. Внедрение под чужим именем, с легендой, исключающей всякие связи с Россией, через две-три страны, с обязательной и долгой отсидкой в режиме консервации в целевой стране.

Возможный – но не единственно возможный.

Нет, всё, что я себе представлял, включало в себя только вариации этой схемы. Такая или сякая легенда. Легальный переход первой – скажем, латвийской границы с последующей сменой документов и легенд; или переход нелегальный – через азиатскую границу, например, – с последующим транзитом через две-три страны до полной легитимизации легенды; или же использование документов и биографии кого-то из подходящих наших пленников, – ну и тому подобное.

Зато у Артура были и другие варианты.

Один из них предполагал мою поездку в Крым, установление связей с какой-то из оппозиционных организаций, ориентированных на серьёзные эмигрантские центры, и последующий выезд за границу. Легальный или нелегальный – это как карта ляжет, но зато с надёжной репутацией: «патриота» или, что ещё лучше, «монархиста», хоть и вынужденного временно сотрудничать с Совдепией.

Вариант меня привлек тем, что не требовал никакой особенной легенды. Нигде в архивах белых армий, а сейчас, следовательно, и у разведслужб союзников наверняка нет никаких свидетельств моей работы в ЧК. Зато совсем наверняка у них есть немало документов о моей военной карьере: от службы в Императорской Русской, в просто Российской, и так – вплоть до Добровольческой армии.

А у союзников, это уж точно, сохранились записи о добросовестной и эффективной помощи командованию оккупационных сил в Архангельске со стороны русского офицера, знатока языков, оборудования связи и местной специфики.

Не смущала меня и перспектива нелегальной, если потребуется, эмиграции – о понтийских контрабандистах знали не только жители Причерноморья.

Но поиск надёжного контакта с нелегальными, наверняка очень осторожными и опасавшимися всех и всяких чужаков, организациями представлялся непростой задачей. А уж когда товарищ Артузов предупредил, что времени на поиск и внедрение у меня будет не слишком много, поскольку планируется направление в Крым специального формирования, «ударного отряда», для более тщательной, чем в ноябре – декабре двадцатого, очистки полуострова от антисоветских элементов, задача стала откровенно попахивать авантюрой, но...

Короче, на этом варианте мы и остановились...

Ещё неделю отработывали все легенды. В «белогвардейской» легенде надо было заполнить убедительными – и не проверяемыми в полной мере, – объяснениями десятков с небольшим лагун между службами в различных армиях, госпиталями и недолгим, но задокументированным пребыванием в плену у «сичовыкив». Архивы УНР, Директории, основных военных формирований и, естественно, их контрразведок оказались на Западе. В «советской» же легенде требовалось выстроить и обеспечить нужными бумагами стремительную служебную дорожку, от простого связиста до уполномоченного Наркомата, специалиста из сочувствующих, направленного в инспекционную поездку в Крым.

И в «чекистской» – заготовить удостоверения и мандат, обеспечивающий всемерную помощь на местах, но никак не раскрывающий мою связь с ИНО.

Первая по счёту легенда была составлена и отработана в Москве. Здесь же был подготовлен и мандат за подписью самого Менжинского.

А вот по поводу гражданской карьеры и удостоверений, открывающих почтай что все двери на полуострове, надо было съездить в Харьков, к начальнику секретно-оперативного управления ВУ ЧК Ефиму Георгиевичу Евдокимову, – его сотрудники обеспечивали нужные документы.

Сам Евдокимов, крепкий сорокалетний мужчина, произвёл на меня неоднозначное впечатление. Некоторая резкость и не слишком интеллигентная лексика меня не смущали – с такой биографией от него, выходца из крестьян, эсеровского и анархистского боевика в дореволюционные годы, с тюремным «университетом» за плечами, ожидать иного было трудно. Смущали его глаза... Я не физиономист, никак не забывал, что мы на одной стороне в борьбе, которая не может закончиться примирением, – и всё же предпочёл бы держаться от него подальше.

Несколько позже, когда я узнал, что именно Евдокимов возглавил Ударную группу по «окончательной очистке» Крыма от контрреволюционеров и классово чуждых элементов, ещё подумал, так, мельком: не будь у меня такой страховки – попал бы под общую «очистку».

А ещё позже, когда мне попался отчёт о деятельности Ударной группы, только диву дался. Он что, считал членов коллегии ВЧК совсем безграмотными, не способными посчитать, сколько было в России губернаторов и сколько оставалось в Крыму генералов и полковников после того, как почти все старшие офицеры Вооружённых сил Юга России ушли с Врангелем в эмиграцию? Ведь когда он давал мне поручения на крымскую командировку, полагая мою миссию сугубо контрразведывательной, речь вовсе не шла ни о каких высших чиновниках и офицерах. Так, в лучшем случае, о нескольких штабс- и просто капитанах, не отмеченных ни в списках эмигрантов основного исхода, ни в первой регистрации здесь, ни среди репрессированных в прошлую осень и зиму.

А памятливы они, эти офицеры, были Евдокимову по временам его заведывания Особыми отделами Муравьевской армии и Южного фронта, – виновники нескольких «осложнений оперативной обстановки», подавлений рабочих восстаний и провалов подпольных организаций.

Всего несколько фамилий – по паре флотских и армейских офицеров и столько же слишком хитрых фанатиков из армий Май-Маевского, Кутепова и Слащёва, которые якобы проскочили через все прошлые выявления, регистрации, розыски и прочёсывания.

Конечно, я пообещал обратить на них особое своё внимание, но на реальные результаты не слишком надеялся. Сведения об эмигрантах пока что у нас не были ни полными, ни достоверными. Не все убитые здесь в тот период были учтены, идентифицированы и внесены в какие-то списки и протоколы, – процветали ведь и «инициатива масс», да и просто уголовщина. Да и господа не только из армейской контрразведки, но даже из пропагандистского Освага, столь не уважаемого, как я помню, Антоном Ивановичем Деникиным, умели вовремя поменять документы, а то и облик, и перебраться туда, где их и не знает никто.

Документы, подготовленные в Харькове, оказались безукоризненными. Я не говорю уже о проверках в поездах и на станциях, где все патрульные чуть ли не в струнку вытягивались, разглядев аббревиатуры и печати. Кстати, забавно было видеть, как соседи по вагону чуточку отодвигались и сбавляли тон в разговорах, увидев моё общение с патрулями. Многие успешно и быстро решалось и в Симферополе, и в Севастополе, и в Керчи, где у Наркомата было больше интересов, чем у ЧК, – там восстанавливались и металлургический, и судоремонтный заводы.

Второй мандат, где я именовался представителем службы снабжения Южного фронта, здесь я не предъявлял.

Просто такая работа

В Симферополе меня принял «товарищ Стах», Полномочный представитель ЧК на территории Крыма Станислав Реденс, один из ближайших сподвижников Феликса Эдмундовича.

Ожидать внизу, возле дежурного и двух охранников, пришлось около получаса: до окончания оперативного совещания. Зато, когда была по телефону названа моя фамилия и сказано, откуда я прибыл, ждать не пришлось.

Оказалось, что Реденс недавно сам приехал из Москвы, где контактировал с верхушкой ВЧК. С кем именно и по каким вопросам – мне, естественно, знать не полагалось. Но не удивило, что после официального представления товарищ Стах спросил:

– А вы что, с Артузовым лично знакомы?

Вопрос предполагал, что в самом факте знакомства с начальником немногочленного и очень секретного отделения меня, агента ИНО, то есть его подчинённого, для Реденса нет ничего неожиданного. Тем более, что я доложил товарищу Стаху о своём настоящем статусе – хотя не обо всех целях своей командировки в Крым. А вот степень этого знакомства и, как позже я узнал, причины настойчивого упоминания Артузовым моего имени, Реденс хотел знать.

В кабинете мы были только вдвоём, так что особо секретничать перед членом Коллегии ВЧК не было причин.

– Ещё с тех времён, когда он именовался Артур Фраучи.

– Это ж ещё когда было... – даже чуть присвистнул товарищ Стах.

– Не так давно, всего-то две войны тому. – Я позволил себе неофициальную интонацию.

Реденс только усмехнулся:

– Ясно, старые друзья. Он тоже с «вытребёнками» любит отвечать.

Насчёт «друзей» не стоило настаивать. Мало ли как будет это истолковано. А вот в обстоятельствах знакомства едва ли можно найти нечто поддающееся двоякому толкованию, тем более что все биографические факты легко проверить.

– Мы по институту знакомы. Он – по металлургии, я – по электротехнике. Выпуск шестнадцатого...

– Понятно, «две войны тому»... Ты смотри, запомнил Артур Христианович.

Здесь подразумевался ещё некий вопрос – мол, и что ж такое в студенческие времена было, что спустя ой какие насыщенные и непростые годы начальник ИНО запомнил, не забыл парня из безвозвратно другой жизни. Что-то следовало Реденсу из этого пояснить.

– Мы и летом семнадцатого виделись. В комиссии по демобилизации работали. Как раз после этого он Артузовым и стал. У служивых язык не поворачивался правильно «Артур» выговорить, а уж «Фраучи» – и вовсе никак. Всё «Артуз» да «Артузов».

– А потом нам всем пришлось на нелегальное положение переходить, – подхватил Реденс. – Вот кличку он и взял по прозвищу.

– Да так и прилепилось, – в тон сказал и я.

– А повоевать пришлось? – как бы невзначай спросил Реденс.

– Я из Политеха сразу в офицерскую школу, и к сентябрю – на фронт. Западный.

– К Брусилову? Или к Деникину? – Теперь Реденс смотрел мне прямо в глаза, а последнюю фамилию произнёс так, будто сам факт службы под командованием Антона Ивановича являлся проступком, если не преступлением.

Вот здесь и следовало намекнуть, что служба моя была не просто так, а в пользу нашего дела – но, естественно, только намекнуть, без подробностей.

– Не сразу, но скоро. Простите, товарищ Стах, но детали моей службы лучше узнать у Артура Христиановича – если он сочтёт необходимым...

– Да, мы отвлеклись, – совсем по-другому согласился Реденс. – К делу... То есть вы не просто легендированы как бывший офицер, а такой и есть. Выходит, с подстраховкой на случай проверки.

– Так проще контактировать с разрабатываемым контингентом...

Об основной направленности моего задания, предполагающего донесение до «нужных ушей» достоверных и проверяемых сведений как минимум о службе в царской армии, равно как участия в Белом движении, сейчас распространяться не следовало. Пусть считается, что прибыл я с контрразведывательными заданиями – так ведь прописано в моей «чекистской» легенде.

– А вас они не «разработают»? – хмыкнул Реденс.

– Моя основная «белогвардейская» легенда выдерживает любую проверку. Опасаюсь только, что наши Севастопольские товарищи проявят бдительность в духе Приказа № 4 их Ревкома – и даже Мандат за подписью самого Емельянова не поможет.

Расшифровывать Реденсу, что это за Приказ Севастопольского Ревкома от 17 ноября 1920 г. № 4 о регистрации офицеров и гражданских лиц, служивших в Вооруженных силах Юга России, и сколько перехлёстов было в его исполнении, не было необходимости.

Реденс только и сказал:

– За это время ситуация изменилась. Спецов из «бывших» теперь принимают на работу... даже к нам. И там, в Севастопольском уездном отделении КрымЧК, сейчас в большинстве – совсем другие люди. Ну и предупредим, по нашей линии. Вы с ними будете контактировать?

– Непременно, мне придётся работать в контакте с Севастопольским уездным отделением. Организационные и силовые мероприятия без их поддержки осуществить проблематично. – Я постарался никак не проявить недовольства. – Но утечка информации крайне нежелательна. Моя цель – не просто «бывшие», а господа с опытом контрразведки. Настоящей, не Освага какого-то.

Реденс усмехнулся и подал мне заранее заготовленный листок с пятью фамилиями.

– Товарищи в Севастополе проверенные, им доверять можно. Вот этим.

Я быстро пробежал взглядом список и возвратил листок. Сразу стало ясно, что на Лубянке двое коллег не просто перебросились парой слов, но Артур ещё и сказал Станиславу Францевичу, какая, как минимум, помощь от него потребуется. Надеюсь, что всего моего задания он не раскрыл.

Так что спросил я только:

– Они предупреждены?

– По спецсвязи, – кивнул Реденс и подал ещё один небольшой листок. – Здесь пароль и отзыв.

Через пару секунд я возвратил его товарищу Стаху.

– Благодарю. Можно уничтожить.

– Всё запомнил? – с некоторой долей недоверия спросил Реденс.

– С жизненно важными вещами не шутят.

Станислав Францевич привычным жестом провёл рукой по тёмно-русые кудрям и перешёл на чисто деловой тон. С лёгким польским акцентом.

– В прошлом году, когда в Севастополе очень даже слишком не шутили, в протоколах допросов попадались цекавинки... Будто часть архива Штаба Вооруженных сил Юга России, а возможно, что и лично главнокомандующего, осталась в Севастополе. Места на кораблях не хватало.

Я постарался уточнить, для какого именно из штабных подразделений не хватило места, поскольку немало документов оказалось в Константинополе – так докладывала наша верная агентура из числа тех, которых знают только в лицо, – а часть на Лемносе и в Галлиполи.

Флотские архивы наверняка с флотом уплыли в Бизерту, – но сведений оттуда пока что не поступало.

– Генерал-майора Попова, – сказал Реденс, не заглядывая в бумаги.

– Генерала Попова – которого? Их же было во ВСЮР и Русской армии несколько. Трое, если я не ошибаюсь?

В глазах Станислава Францевича промелькнуло нечто похожее на уважение. Затем он раскрыл одну из папок, сложенных стопкой на приставном столе, пролистал несколько страниц.

– Нет... Генерал и всё. Штаб располагался в гостинице «Бристоль», это где-то на Корниловском проспекте.

– Этого уже достаточно. На месте выясню.

– Выясни, – сказал, как приказал, Реденс. – Не исключено, что кто-то из obsługi там и сейчас остался.

«Вот мой Севастопольский адрес и определился», – подумал я тогда, ещё не предполагая, насколько этот выбор удачно обернётся.

Тем временем в Феодосии

Спрос ли рождал предложение или наоборот, но контрабанда в Феодосии к этому времени оставалась едва ли не обыденным явлением. Привозили то, на что пока ещё никак не могла сподобиться ни Потребкооперация, ни первые частные производители, воскрешённые НЭПом.

Часть контрабанды привозили моряки пароходов, часть, по мелочи, – рыбаки из всех пяти артелей, разбросанных от мыса Ильи и Карантина вдоль дуги Феодосийского залива, до самой Песчанки.

Но было несколько фелюг и баркасов, которые, по наблюдению пограничников, рыбкой баловались так, для прикрытия – никак не стоил их скромный улов трёх, а то и пяти суток болтания в море и никак не покрывал моряцкую гульбу на берегу чуть ли не после каждого их возвращения.

Вот один из таких баркасов, крепкую парусно-моторную смолёную посудину с громким названием «Виктория», пограничники перехватили в море, препроводили в порт и досмотрели как следует.

Первый тайник нашли быстро, в рундуке на юте, даже не понадобилось выгружать снугую чуларку². Но там была мелочь – так, бабская галантерея. И все шестеро «рыбаков» с «Виктории» на успех досмотра прореагировали спокойно, как-то слишком спокойно – и, наверное, не просто потому что за такую партию товара серьёзного наказания не полагалось. Короче, досмотр был продолжен и через некоторое время удалось, заметив наконец, разницу в габаритах трюмного и моторного отсеков, найти второй, куда больший и куда лучше нафаршированный контрабандным товаром тайник.

Это уже тянуло на чаление экипажа за решёткой и конфискацию «Виктории», а тут ещё нашёлся маленький тайничок в рубке, а в нём – документы.

Да такие, что хозяин баркаса, Иван Резников, тут же был препровождён в Особый отдел Феодосийского отделения КрымЧК.

Не только по возрасту и по ухваткам, но и по документам оказался Иван опытным моряком. Но не просто бывшим военным моряком, а ещё и старшиной бригады минных катеров врангелевского флота.

И в допросной чекистские уполномоченные первым делом спросили, просмотрев его документы и регистрационные списки:

– Как же это ты, контра такая-сякая, от регистрации уклонился?

На что Иван с некоторым даже возмущением и неистребимым понтийским акцентом отозвался:

– А на хрена она мне? Я в чинах не ходил. Шо, написано было, штоб боцманов р-регистрировать?

Первый из допрашивающих, уполномоченный Грибков, с синими наколками – якоря и русалка на руках, в тельняшке под френчем, – не стал вдаваться в расшифровку соответствующих абзацев заведомо известного всем категориям «бывших» Приказа. А спросил, выставив перед собой разворот служебного списка Резникова:

– Мало, что ты и Деникину послужил, и Врангелю послужил, так, может, и сейчас служишь Белому делу?

И второй уполномоченный, черноглазый парень из местных греков, подхватил:

– Самое то – в Константинополь на баркасе своём мотаться: передать чего шпионского или сюда притаранить...

² Черноморская кефаль.

– Э, граждане-товарищи! – спохватился Иван. – Вы на меня такое не вешайте. Спроси кого хошь – только честным товаром промышлял.

– Скажи ещё, что не служил их благородиям! – не унимался Костаниди, чью реплику Иван так неделикатно перебил.

Резников сжал тяжеленные кулаки, чуть помолчал и ответил рассудительно:

– Да, служил – ну и что? Ни в кого не стрелял, никого не убивал. Мои боцманские обязанности – смотреть, чтоб на катере порядок был! Да и в деле-то мы – вот как бог свят! – почитай, что и не были. Так, на сопровождении...

Бывший морячок Грибков спросил, вроде как между прочим, всё изучая старшинские бумаги:

– Например, второго мая двадцатого?

Иван почесал седеющую голову, припоминая.

– А что там – второго мая? Эт когда в Керчи мы стояли? Так там вроде всё тихо уже было...

Грибков внезапно повысил голос:

– Нет, когда вы, белые сволочи, из Мариупольского порта увели сторожевик, нашими рабочими построенный!

– А, слышал, только это без наших катеров, – облегчённо вздохнул Резников. – Я и в Мариуполе-то в двадцатом, почитай, что и не был ни разу.

– А в девятнадцатом? – проявил свою осведомлённость Костаниди, у которого в крепко потрёпанном, но всё же не разорённом начисто Мариуполе находился добрый десяток родственников и свойственников. – Когда целую дивизию вы к нам в тыл забросили?

– Ну, вы скажете – дивизию! – искренне возмутился Иван. – На мой катер если десяток погрузить, так только стоя штоб и дышали по очереди, а то опрокинемся. Двоих только и повозил взад-вперёд, да и тех без оружия.

– Каких ещё двоих, ты что нам байки травишь?! – раздражённо прикрикнул Грибков.

– Да офицеров этих, которые чистый фарватер показали. Ну, проход в минном поле...

– Совсем заврался, – пристукнул кулаком по столу Костаниди. – Ну, надо в мозгах ему фарватер прочистить! – И даже поднялся, не исключено что с намерением приступить немедленно к «прочистке».

Но Грибков, «чекист в тельняшке», осадил товарища.

– Погоди. – И обратился к Резникову, не столько напуганному, сколько удивлённому реакцией Костаниди. – Офицеров, говоришь? Каких это офицеров?

– Ну да флотских. Одного хорошо знал, у него было прозвище «лоцман Ломан», потому как он и вправду лоцманским начальником на Азове служил и сам лоцманил, а второго не очень...

– Стоп-стоп! – приказал Грибков. – Ты как их нашёл? И куда возил?

– Чё – нашёл? – даже удивился Иван. – Сами подгрести на ялике, а командир приказал принять на борт и к ним доставить.

– Куда подгрести?

– Так я же говорю, к нашему катеру, когда мы насупротив гавани стояли, – пояснил бывший боцман, пребывая в уверенности, что всех этих пояснений о том давнем и малозначительном, с его точки зрения, эпизоде совершенно достаточно.

Реплика Грибкова ещё и укрепила его в этой уверенности:

– Говоришь, фарватер они показали?

– Ну да. Тот, второй... Матвеев... Нет, вспомнил – их благородие капитан Матусевич, вот! – карту привёз минных постановок в акватории, командиру на крейсере отдал, а лоцман Ломан потом на моём катере прошёл по фарватеру в гавань.

– И за вами вся эскадра, – покачал головой Грибков и посмотрел даже с некоторым сочувствием на Ивана, по всей видимости, просто не понимающего, участником и соучастником каких событий он тогда был.

Но и с пониманием того, что означает боцманское свидетельство.

Поэтому отправил уполномоченный Грибков бывшего старшину Ивана Резникова и его команду застуканных на контрабанде в обычную следственную тюрьму, к разношерстной компании мелких спекулянтов, ширмачей, базарных мошенников и самогонщиков.

Сам же, хоть и с помощью много более грамотного Миши Костаниди, оформил все бумаги и отправился докладывать начальнику отделения.

И в тот же день в Симферополь ушло телеграфное сообщение:

Секретно.

Особый отдел.

ДОКЛАДНАЯ

В ходе допроса бывшего старшины бригады катеров флота Черозморей, задержанного по делу контрабандистов, установлено: он участвовал в рейде 1919 года белогвардейской эскадры с десантом на Мариуполь.

Задержанный показал, что был свидетелем добровольной передачи секретной карты минных полей флотским капитаном Матусевичем и лейтенантом по прозвищу «лоцман Ломан» командованию эскадры.

Копию протокола допроса направляем спецпочтой.

Через день информация за подписью начальника Особого отдела ушла в Харьков, во Всеукраинское отделение, а Оперативному отделу Реденс поручил проверку по архивам и спискам регистрации, нет ли каких сведений о нахождении в Крыму Матусевича и Ломмана. Предварительная ориентировка была разослана по уездным отделениям.

Харьков же, имеющий прямую связь с агентурой в среде эмигрантов, отреагировал так:

Срочно.

Секретно.

Резидентам в Константинополе, Белграде, Софии.

Установите факт эвакуации/выезда из Крыма флотских офицеров капитана Леонида Матусевича и лейтенанта Федора (возможно – Теодора) Ломмана.

При установлении факта укажите их нынешнее место пребывания.

Начальник СО ВУ ЧК

Ответ пришёл спустя неделю по секретному каналу связи:

Начальнику СО ВУ ЧК

Запрашиваемый Теодор Ломман, капитан-лейтенант, прибыл в ноябре 1920 г. в Константинополь с группой офицеров Дроздовского полка на эсминце «Жаркий».

Настоящий род занятий и точное местонахождение устанавливается.

По имеющимся сведениям, капитан 2-го ранга Леонид Матусевич остался в Крыму.

РС-2

Севастополь, осень

С севастопольскими товарищами установились нормальные отношения, как только они поняли, что я прибыл не проверять их работу, а, в известном смысле, помогать. Непосредственными моими партнёрами были назначены уполномоченные Мортиросов и Ломанидзе – оба из короткого списка, который показал мне товарищ Стах.

Направление на поселение в гостиницу «Бристоль» было сделано быстро и без излишних расспросов. Несколько подробнее мы отработывали вопросы связи, оперативного оповещения и взаимодействия. И несколькими часами спустя, отпустив за квартал провожатого, с саквояжем в руках я входил в непрезентабельный – который год без ремонта! – вестибюль гостиницы.

Первый же взгляд на коменданта, мужчину средних лет и явно не пролетарской наружности, восседающего за стойкой портье, сразу подсказал, с кем я имею дело и какого тона в разговоре следует придерживаться.

– Любезнейший, это направление к вам от учреждения с забавной аббревиатурой «ЖКХ».

Комендант ответил именно так, как я и предполагал:

– Да, раньше всё решалось проще, а теперь направления, ходатайства, мандаты...

В то время вниз по Нахимовскому проспекту, мимо окон гостиницы, проследовал матросский патруль.

Выразительно глянув на сию троицу, я сказал в том же тоне:

– О да, но совсем недавно всё решалось ещё проще: маузер в мозолистой руке...

– Такое лучше не вспоминать... – вздохнул комендант и, ещё раз перечитав «направление», оценивающе посмотрел на меня: – Вы, товарищ Яновский, к нам надолго?

При этом он акцентировал обращение «товарищ». Это не должно было остаться незамеченным с моей стороны, и я отреагировал:

– Называйте лучше «гражданин». К большевистскому обращению не могу... да и не слишком хочу привыкать.

Прозвучало достаточно резко, так что комендант поспешно сказал:

– Простите, ваше благородие... гражданин.

Вот тут я примирительно улыбнулся.

– Гражданин. Ненавязчиво и неоскорбительно – мы же все равны, как горожане, то есть граждане... На неделю, максимум полторы.

– Понимаю, командировка, – закивал комендант. – От какой «аббревиатуры» командировка, боюсь даже спросить.

– Да и ни к чему. А номер, естественно, почище...

Как по заказу, с верхнего этажа по выщербленным ступеням центральной лестницы спустились пятеро красноармейцев. Без оружия и не в самом презентабельном виде. Кивнув в их сторону, я негромко попросил:

– И без «этих» соседей.

Комендант понимающе подмигнул.

– Не извольте беспокоиться. Отдельный номер. Только уж не обессудьте – туалеты у нас только по два на этаж. Но уборка регулярная.

Сказал – и явно ожидающе посмотрел на меня.

Я памятным – выглядящим, надеюсь, привычным, – «барским» жестом опустил на стойку купюру.

Комендант ловко – привычно – смахнул её под стойку и жестом подозвал коридорного.

– Голубчик, проводи *уважаемого* гражданина в сто седьмой.

Той же осенью в Симферополе

В Симферополе, на углу Караимской и Одесской улиц, недалеко от лавки с табличкой «КЕРОСИНЪ», остановился милицейский патруль. Три человека: один в шинели и обмотках, другой в бушлате и форменных – только английской армии, – ботинках и заломленной кубанке без кокарды, а третий, старший, в перехваченном офицерским ремнем с кобурой в гражданском пальто с бархатной опушкой по воротнику.

Место было выбрано достаточно удачно, – и чтобы покурить, и чтобы проверять документы у проходящих по обеим улицам. А проходило достаточно много: и к обедне в недалёкий православный собор или в армянскую церковь, и на призыв муэдзина в мечеть, по легенде, наделившую город прежним, допотёмкинским названием Ак-Месджит, и к главной караимской кенассе³. Шли и дальше вниз, по Одесской улице – кто к хоральной синагоге на Салгирной, а кто просто в деловую часть города.

Несознательный богомольный народ, всё больше старушки в платочках или хиджабах – смотря кто куда направлялся, – старички да аксакалы, интересу у троих милиционеров особого не вызвали. Так, останавливали кого помоложе и попримечательнее, проверяли документы и отпускали с богом. То есть к тому из богов, на молитву к которому несознательные гражданки и граждане и направлялись. Тех же, кто шёл с пустыми бидончиками или какой ещё посудинкой к керосиновой лавке, или с полными – от неё, останавливали чаще, но тоже выборочно: молодой, с которыми можно словцом-другим перекинуться, а то и шлёпнуть легонько пониже спины, чтоб следующий раз не забывала документ дома на комод, или же мужиков призывного возраста – чегой-то не на работе или службе среди бела дня?

Так вот и остановили прилично одетого мужчину лет сорока, вышедшего из керосиновой лавки с бидончиком.

Тот не выразил никаких особых эмоций, спокойно поставил на мощённый мелким булыжником тротуар пахучий бидончик и предъявил удостоверение.

Старший патруля прочитал вслух:

– Игнатенко Николай Игнатьевич, мещанин, 37 лет, проживает в Симферополе по улице Салгирной в доме Казакевича. Керосинчиком балуетесь, гражданин Игнатенко?

– Да, вот керосин приходится жечь. Я комнатку снимаю. Жить можно, а со светом проблемы – окошко маленькое.

Вдруг один из патрульных, тот, который в бушлате и не слишком уместной кубанке, спросил, приглядевшись и прислушавшись:

– Давно ли мещанином стали, ваше благородие?

Гражданин, который Игнатенко по документам, громко, даже слишком громко воскликнул, глядя на милиционера в английских ботинках, флотском бушлате и кубанке:

– Помилуйте, какое такое «благородие»? Я на телеграфе служу и сейчас же... – и отступил на шаг, будто собираясь бежать.

– Стоять! – прикрикнул старший патруля, а милиционер в обмотках мигом сорвал с плеча кавалерийский карабин и передёрнул затвор.

Гражданин, который Игнатенко по документам, замер.

– Так он что – благородие? – повернулся старший патруля к бушлатнику. – Ты, что ли, его знаешь?

– Да видел в Керчи пару раз, – подтвердил неделю как милиции рядовой Дьяков, поступивший на эту службу после малоудачного артельного труда в Керчи.

³ Молитвенный дом.

А в совсем недалеком прошлом был Дьяков бойцом отряда «зелёных» под командованием Лёхи Мокроусова, да осознал и раскаялся он одновременно с командиром.

– При погонах и в мундире, – добавил Дьяков. – Капитан по какой-то морской службе.

– Да что вы, какая такая Керчь? – начал гражданин, который Игнатенко по документам. – Меня уже сто раз проверяли...

И вдруг, улучив момент, когда все трое патрульных смотрели друг на друга, а карабин и вовсе в сторону, выхватил своё удостоверение и рванул вниз по Одесской.

– Не стрелять! – крикнул старший патруля и с неожиданной прытью бросился следом. А тут ещё беглец чуть замешкался – пятеро богомолок остановились и невзначай почти что перегордили неширокую Одесскую улицу, – и погоня на том и закончилась.

Старший патруля, с разгону толкнув в спину, свалил «Игнатенко» на мостовую, а тут и остальные патрульные подоспели...

Бидончик с керосином остался на тротуаре. Но ненадолго: проходившая мимо тётка в тёплом платке подхватила, не замедляя шаг, весьма ценную в полуголодном городе «добычу» и, перейдя Караимскую, скрылась в ближайшем переулке.

Гостеприимный «Бристоль»

Номер 107 гостиницы «Бристоль» оказался не слишком просторным, но прилично меблированным и с чистыми шпалерами. Вид несколько портила небольшая железная печка с трубою, выведенной в окно, – впрочем, вещь необходимая в предвидении зимы. Коридорный мне так и сказал, по-лакейски присвистывая: мол, прошлогодние постояльцы отопление попортили, а чинить пока жилконтора только обещает.

Следом за коридорным явилась Маша, горничная, словоохотливая милая женщина лет тридцати: вытереть пыль и застелить постель чистым, хотя и не слишком новеньким бельём.

Купюра, выданная «на булавки», окончательно развязала ей язык. Для начала она предложила принести Алексею Степановичу, то есть мне, из буфета чай и даже сухарики. Ещё одна купюра и пожелание принести два стакана и чего-нибудь повкусней сухарей и разделить со мною чаепитие произвели весьма благоприятное впечатление.

Я пока что совсем не торопится, а горничные всегда были отменным источником информации. Особенно если их правильно разговорить...

Маша обернулась много за пять минут – я едва успел разложить и развесить свои немногочисленные вещи и одежды. Принесла два стакана в мельхиоровых подстаканниках, фаянсовый чайничек и вазочку с печеньем, – всё на подносе и при крахмальной салфетке.

– Чем богаты, но чай у нас в буфете настоящий. Не для всех, конечно, – щебетала Маша, расставляя на столе нехитрую утварь.

– Здесь же, говорят, бывал сам Шаляпин, – кивнул я, хотя и не знал точно, в какой именно из Севастопольских гостиниц останавливался знаменитый бас во время гастролей летом семнадцатого.

– Ой, да кто у нас только не перебивал, – подхватила Маша, – пока не началось...

Торопиться с серьёзными расспросами не следовало. Я только и спросил, вдыхая аромат свежесваренного и в самом деле недурного чая:

– Вы сами его, Фёдора Шаляпина-то, видели?

– Да, но только издали – когда он пел на Приморском бульваре. Все тогда сбегались. Народищу собралось уйма.

– А банкет в вашем ресторане в его честь давали?

– Наверное... Я же тогда здесь не служила, – с видимым огорчением сказала горничная.

– Что так?

– «Бристоль» же был отелем перворазрядным, туда попасть на службу ой как непросто было, даже с рекомендациями. Это уж только в последнее время стало попроще. Хотя, конечно, почти все из тогдашних, кто мог, вернулись сюда на службу, так что порядок знают. Вам непременно понравится. Но взяли троих новых, ну и я меж них. У меня рекомендации были самые лучшие.

Это, несомненно, составляло предмет её гордости. Следовало поощрить женское самолюбие, – это более всего располагает к откровенности.

– Не сомневаюсь. А от кого, если не секрет?

– От самой миссис леди Энн-Элизабет, супруги английского консула! – сказала Маша с таким выражением, будто упоминала коронованных особ.

Но любая ниточка к немаловажному – консул! – представителю Англии была для меня очень интересна. Поэтому я спросил Машу с эдаким пиететом:

– Вы знакомы с леди Энн-Элизабет? Как приятно.

– Я у неё в доме служила, пока британское консульство располагалось в Севастополе. Вот уж где всё «по шнурочку» было, чтоб ни пылинки, ни пятнышка, мажордом у них ну сущий дракон. А уж как надобно господам за столом прислуживать – так меня неделю натаскивали.

– Зато усвоили английский этикет и запомнили светские манеры, – сказал я благожелательно. И добавил: – And what about the your language? Are you better in English?⁴

– Что-что? Это вы об английском? Да нет, только отдельные слова – ну, сорри, плииз. Вот госпожа Нина... то есть Нина Лаврова, она была у них секретарем и переводчиком, – так вот, Ниночка просто замечательно знает языки. У неё было так тяжело с матерью...

– Вы так хорошо знаете её семейное положение? – спросил я, отметив про себя, что с упомянутой дамочкой – секретаршей и переводчицей в английском консульстве! – очень даже неплохо бы познакомиться.

– Ой, простите, ваше благородие. – Маша, видимо, не совсем верно поняла мою интонацию. – Я просто...

Следовало поддержать доверительный тон разговора, и я как мог теплее улыбнулся.

– Что вы, голубушка, я же понимаю – женская дружба. А обращаться лучше по имени-отчеству, хотя полагаю, что у этих стен *красных ушей* нет.

– Бог миловал. Сейчас здесь совсем другие люди в нумерах. Это в прошлую зиму – у нас здесь и матросня, и солдаты эти во всех нумерах стояли, спали вповалку, буржуйки понаставили, хоть сами отопление и попортили, уголь из котельни выгребли, какие-то бумаги из подвала таскали на растопку...

Сей словесный поток был небезыntenесен, особенно насчёт «бумаги из подвала», но сейчас меня в первую очередь интересовала переводчица.

– Так что госпожа Лаврова?

– Так мы теперь – Нина ведь осталась в Севастополе – и вправду стали вроде подруги, хотя она из благородных и такая учёная. А что?

– У меня не праздный интерес, – импровизировать пришлось на ходу. – Мне... то есть моей жене – она скоро приедет – нужно серьёзно усовершенствовать языки. Предполагается командировка... Туда. – И я кивнул в сторону Запада.

Упоминание о мифической жене было не излишним: деловая встреча с заботливым семьянином едва ли смутит порядочную женщину. А что Нина Лаврова именно такова, логично предположить: на ответственную работу в английское консульство сомнительных особ не взяли бы.

– Так что, голубушка, найдите возможность познакомить меня с госпожой Лавровой. Полагаю, дополнительный заработок ей не окажется излишним?

– Конечно же хоть завтра – она как раз собиралась зайти ко мне.

Тут Маша замялась и даже чуточку покраснела и сказала, чуть запинаясь:

– Понимаете, ваше... не обессудьте, Алексей Степанович... В нашем буфете для своих, ну, не так дорого и без карточек, вот мы и встречаемся к обеду. Но вы ведь...

Можно было не продолжать – причина смущения горничной была совершенно очевидна. Заработки у них, да и у всех пока, не очень, – ну а я, щедрый командировочный, в состоянии заплатить за обед и не только.

– Прекрасно. Не возражаете, если я вас угощу?

– Как-то не совсем удобно...

– Пустяки, право. В гостиничном буфете – во сколько?

⁴ А как насчет языка? Ты хорошо говоришь по-английски? (*англ.*)

Прогулки не без пользы

Через некоторое время я с небольшим бюваром больше для виду, чем для дела, выбрался из номера. Следовало встретиться с прикомандированным ко мне оперативником и посмотреть конспиративную квартиру, снятую где-то неподалёку.

Комендант, всё так же за стойкой портье, с очевидным неудовольствием заполнял какую-то обширную ведомость.

– Нет, вы только подумайте, уважаемый, – отреагировал он на моё сочувственное слово, – в гостинице три четверти всяких мандатников, не платят, да ещё обслугу обижают, в городе бумаги не хватает, газеты чуть ли не на оберточной печатают, а для этой бюрократии – пожалуйста!

– То ли ещё будет, – вовсе не желая оказаться пророком, но, чтобы поддержать своё реноме, заявил я. – Впрочем, не только в сей несчастной стране едва из пелёнок с бюрократией проблемы, но и в старых-добрых европейских странах. А вы-то как с бумагой, то есть, как говорят новые назначенцы, с её «наличием отсутствия» справляетесь?

– Да я-то ничего, слава богу, в приснопамятные времена отпечатали с запасом бланки меню – оптом ведь дешевле выходило, – так до сих пор запаса хватает. Меню ведь три года как ни к чему, какой уж тут выбор.

– А «мандатники» на растопку бумагу из подвала таскают, – с невинным видом поддакнул я.

– Уже всё, хватит им шалить. Пожару только не хватало. – Комендант явно был рад возможности отвлечься от постылой ведомости. – Велел я запереть подвал на вот такой амбарный, Гришка коридорный принёс.

– Его замок, у него и ключ, – будто рассуждая вслух, сказал я и вытащил портсигар. – Угощайтесь. Фабрики Местаксуди, говорят – отменного качества.

Комендант ловко вытащил папиросу, но не закурил: понюхал – «Дюбек», что и говорить, – и припрятал папиросу под стойкой.

И спросил, с тоскою глянув на незаполненную ведомость:

– А сам Местаксуди небось уплыл с эскадрой?

– Из Керчи, говорят. Меня это не слишком удивляет... Всё, у меня дела, адью.

Вернулся я в гостиницу вечером. Прошёлся по коридору первого этажа, полюбовался внушительным замком на прямоугольном металлическом люке под пожарной лестницей. В целях безопасности, естественно, закрытой хоть и хлипкой, но всё же решёткой.

В другом конце коридора никакого люка нет.

Буфет «Бристоля» работал допоздна и был совсем не пуст. Несколько мужчин различного возраста и вида, наверное, «мандатники», и две компании. Самым ярким пятном были размазанные девицы в шелках, фальшивых жемчугах и поддельных мехах. Одна из этих девиц, рыжая, подплыла и предложила скрасить вечер, едва только официантка приняла заказ и отошла от моего столика. Впрочем, вежливый отказ особо не раздосадовал ни её, ни мужскую, определённо криминальную часть компании.

Входили и выходили посетители, в их числе и моряки, и красноармейцы, и несколько граждан почище – похоже, нэпманы первой волны.

– Ах, у нас расходятся только под утро, – едва ли не с гордостью сообщила официантка, получив расчёт и чаевые.

Значит, если коридорный Гриша и выберется в подвал, то под утро, когда и посетители, и гости угомонятся. Можно часиков пять спокойно поспать, а тогда, утречком ранним, прислушаться и приглядеться...

...И перед самым рассветом в тишине, подчёркнутой отдалённым богатырским храпом с верхних этажей, послышались быстрые шаги в коридоре.

Я быстро поднялся, не зажигая свет, приоткрыл дверь номера и глянул в щелку.

В слабо освещённом коридоре не разглядеть уверенно, кто это направляется в торец здания, к запертому люку хода в подвал и к зарешеченной пожарной лестнице. Но весьма логично предположить, что именно коридорный Гришка решил наведаться в подвал.

Щёлканье замка, какой-то скрип...

Одеваюсь я по-армейски, «пока горит спичка», наган сую в наплечную кобуру, набрасываю китель и выхожу из номера в коридор, когда вероятный Гришка уже скрылся в тёмном прямоугольнике входа в подвал.

Ожидать пришлось недолго, минуты четыре; и вот из подвала поднимается определённо коридорный Гришка, да ещё с толстой картонной папкой.

Я подождал, пока он прикроет люк, но не закроет на замок, затем приблизился и отменно «барским» тоном бросил:

– Почему туалет закрыт? Распустились...

– Господин... – только и вякнул растерянный Гришка.

А я, не ожидая продолжения, резко спросил, крепко ухватив папку:

– Что это такое? – И, преодолев сопротивление всё ещё растерянного Гришки, выдернул её из рук коридорного. – Что за вольности? А ну, посмотрим.

– Да я, ваше благородие, взял это из подвала, там ещё много бумаги, – сказал коридорный виновато. – Здесь же когда-то целый штаб стоял.

– И зачем тебе это? «Канцелярия генерал-квартирмейстера»...

– Так жене, покупки заворачивать – она овощами торгует...

– Найдёшь что попроще. Умопомрачение – морковку в штабные документы заворачивать! Всё, свободен.

И слегка подтолкнул коридорного в спину.

Затем прошёл к себе, зажёл свет.

Да, так и есть – объёмистая папка из канцелярии генерал-квартирмейстера П.Х. Попова. Но не просто объёмистая. В ней ещё что-то твёрдое.

Развязал тесёмки, раскрыл.

Первые страницы – обычная канцелярско-хозяйственная чушь. Лет через сто это, быть может, какого-нибудь учёного чудика и заинтересует, на предмет анализа хозяйственной жизни белой армии. Но под первыми страницами оказалась ещё одна папка плотного картона, с набранной типографским уставом надписью: «ШТАБЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССИИ». И ниже, каллиграфическим почерком: «Доклады оперативного и общеполитического характера». Не меньше полутора сотен страниц машинописи...

Это была настоящая удача; и надо внимательно проверить подвал – проверить, нет ли ещё каких-нибудь важных документов. Не зря же сказал Гришка: «Там ещё много бумаги».

Не теряя времени, я прошёл к гостиничному телефонному коммутатору в комнате за пустой рецепцией и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить прикорнувшего на диване коменданта, позвонил в отделение и вызвал дежурного оперативника, уполномоченного Мортирсова.

Гагик только и спросил, сколько бойцов с собой брать.

– Захвати пару фонарей. И обеспечь какой-то транспорт... не сильно приметный...

Урок впрок

Через полчаса мы с Гагиком уже спустились в подвал.

Кирпичный пол; на полу разбросано пару десятков листков, на некоторых – следы грязной обуви. В свете мощного ацетиленового фонаря, принесённого Мортиросовым, я бегло их просмотрел – нет, ничего интересного, канцелярская переписка по вещевому и продовольственному снабжению. Неужели папка, отнятая у Гришки-коридорного, – это всё, что осталось от архива?

Ну нет. Надо вспомнить нечаянные уроки жандармского ротмистра Русакова. Внимательно осмотреться. Например, поинтересоваться, почему это несколько кирпичей на полу уложены несколько иначе. Не выступают, но выделяются... Вот что: щели между ними чуть темнее, чем такие же – на других участках пола.

Взяв у Гагика нож, я поддел и приподнял один кирпич.

Следующие семь кирпичей вынимались уже легко, просто руками.

Под ними, слегка присыпанные землёй, лежали канцелярские папки, две стопки. Всего полтора десятка папок.

Я достал верхнюю, отряхнул сухую земляную пыль и продемонстрировал Мортиросову: ШТАБЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССИИ. А ниже, каллиграфическим почерком: «Учетно-регистрационные карточки офицеров Генерального Штаба, служащих в Красной Армии».

Повторить выражение, слетевшее с уст Гагика Мортиросова, я не берусь.

Когда мы с Мортиросовым выносили папки к центральному входу, появился заспанный комендант.

– Господа, граждане, вы как... Что происходит?

– Не беспокойтесь, любезнейший. – Понизив голос до интимного шепота, я подошёл к нему поближе и показал надпись на верхней папке из стопки у меня в руках. – Строго между нами: эти штабные документы ни в коем случае не должны попасть в руки – ну, вы понимаете, кого.

– Как, они были здесь? У меня? В «Бристоле»? – только и спросил комендант, стряхивая остатки сна.

– В подвале. Чудо, что до них матросня не добралась.

– Господи, сохрани... – Комендант искренне перекрестился.

– Мы их с сослуживцем перевезём в надёжное место.

– Да-да, конечно, – согласился комендант и придержал подпружиненную дверь, выпуская Мортиросова.

– И переправим куда надо, – сказал я всё так же шёпотом, выходя следом.

Транспорт и впрямь оказался неприметным: ни дать ни взять – обычный городской извозчик. А в слабом предутреннем свете, да ещё и на расстоянии комендант, прилипший носом к стеклу окна, наверняка не опознал чекиста, хотя не раз и не два, как я узнал позже, видел его – во время спецопераций в «Бристоле».

Вернулся в гостиницу я через час, ещё немного поспал и привёл себя в порядок перед назначенной встречей.

Приятное знакомство

Нина Лаврова оказалась интересной молодой шатенкой, одетой не вызывающе, со вкусом и слегка англетизированно. Сидели они с Машей – та ещё и не сняла кружевной передничек горничной, – за столиком у окна, поодаль от буфетной стойки. На их столе – два пустых стакана и пустое же блюдо.

Увидев меня, Маша зашебетала:

– Вот, Ниночка, Алексей Степанович, вам непременно надо познакомиться, и у него для тебя выгодное предложение.

– Очень приятно, Нина...

– Георгиевна.

Вежливо, но сухо. И щёчки чуть порозовели. Что ж, причина совершенно понятна.

– И моё предложение отнюдь не затрагивает вашу скромность, – я это сказал с лёгкой улыбкой. – Машенька немного неловко выразилась.

Маша похлопала ресницами, пытаясь понять, что она не так сказала, а потом просто встала и сделала ручкой:

– Ой, ну да вы сами разберётесь. А мне пора – работа. – И убежала, едва выслушав от меня: «Спасибо, голубушка».

– Вы меня заинтриговали, Алексей Степанович. – Милые глазки Нины заметно потеплели. – Что же это за предложение такое?

– Позвольте вас угостить, чем «Бристоль» послал, – улыбнулся я ей и подозвал официанта. – За сим ранним обедом и переговорим.

– Благодарю. Это несколько неожиданно...

Она подразумевала, что принимать угощение от малознакомого человека не совсем, мягко говоря, прилично – хотя и выбрала обтекаемую реплику. С тем, чтобы определить, понял ли я и как отреагирую на это.

Я понимающе улыбнулся и, глядя в глаза, мягко сказал:

– Полноте, Нина Георгиевна, что за разговоры натошак? Мне тоже недремлющий брегет уж прозвонил обед.

Тут как раз подбежал официант и поклонился – совсем как «в старые добрые времена».

– Чего изволите-с откушать?

– Если дама не возражает – нам обоим бульон, стейк средней прожарки и какой-нибудь десерт к чаю.

– Прекрасный выбор. У нас по случаю ещё осталась бутылочка «Шато-Икем»...

Мы с Ниной переглянулись и сказали одновременно:

– О нет, в другой раз. – И как-то сразу непринуждённо рассмеялись.

– Маша мне второпях сказала, – всё ещё улыбаясь, произнесла Нина, когда официант удалился, – будто вам требуется репетитор английского? Для супруги?

– Она так сказала? Милая простушка. Нет, я не женат.

– Так она неправильно вас поняла?

Кажется, Нина опять начала волноваться. Следовало её успокоить. И найти возможности для дальнейшей разработки, поскольку предположения, возникшие после вчерашнего разговора с горничной, начали приобретать конкретные и весьма милые черты.

– В сущности, всё верно. Мне предстоит ответственная командировка, а мой английский несколько хромает. I have not enough possibility to practices⁵.

⁵ У меня недостаточно возможностей для практики (англ.).

– За время работы в английском консульстве у меня было достаточно времени и возможностей попрактиковаться и в деловой, и в разговорной речи, – кивнула Нина. – Если вы располагаете возможностью...

– Время занятий и материальную сторону вы сами назначите – после десерта. Я в экономической комиссии, равно и в представительстве Внешторга, по командировке загружен нечрезмерно. Зато, кстати, вполне могу при необходимости оказать содействие... помочь «нашим людям». Многим сейчас приходится нелегко. Маша обмолвилась, что у вас, простите за бестактность, проблемы с матушкой?

– Теперь уже нет. – Голос Нины чуть дрогнул. – На той неделе будет сорок дней, как...

– Простите великодушно. И примите мои самые искренние соболезнования.

Нина посмотрела мне в глаза и медленно кивнула.

– Хотя я и не имел чести быть представленным вашей матушке, но – судя по её дочери – она была замечательной женщиной.

– Благодарю вас. Уверена, что там. – Нина подняла глаза к небу, то есть к давно не беленому потолку, – ей куда лучше, чем здесь.

Достаточно прямой и, в общем-то, преждевременный комплимент, едва замаскированный под светскую любезность, Нина поняла и приняла, но и намекнула мне на излишнюю поспешность.

Очень хорошо.

– Ещё раз простите – может быть, я смогу помочь вам с проведением Сорокадневного Поминовения?

Теперь она, полагаю, расценит это не как формальную любезность, но как знак внимания и заботы.

– Не хочу злоупотреблять вашей добротой, Алексей Степанович. – Нина отрицательно покачала тёмно-русой челкой.

Я не счёл нужным скрывать разочарование.

– Но если вы располагаете возможностью... – продолжила Нина. – У моей подруги, Тамары Пожаровой, какие-то большие проблемы со службой... да и с жильём не всё в порядке.

– Чуть бы подробнее, – попросил я совершенно искренне.

Попросил, потому что почувствовал как-то сразу, что это может оказаться перспективным не только для основного – мостик в Альбион! – но и для вспомогательных, контрразведывательных заданий.

А Нина ещё и ответила самым желательным для меня образом.

– Если позволите, я вас познакомлю – и она всё сама расскажет.

– Полагаю, ваша подруга – реально из нашего... вашего круга?

Через какую-то секунду Нина поняла, что – то есть кого я имею в виду, – и ответила чуть смущённо:

– Простите, Маша – не показатель.

– Хотя весьма мила и позволила нам познакомиться. – Успел сказать я с улыбкой, прежде чем подплыл официант с первой переменной блюде.

За десертом мы обговорили и регламент занятий, и время встречи с «подругой Пожаровой».

Что нам дано...

Вечер и почти весь последующий день во внутренней комнате Севастопольского уездного отделения Крым ЧК мы разбирали нашу «добычу».

В пятнадцати папках, найденных под кирпичным полом, оказалось помимо личных дел офицеров, которые служили, в том числе по прямому заданию разведки, в Красной армии, ещё немало интересных документов.

Телеграммы оперативного характера, лично подписанные главнокомандующим.

Оперативные сводки, докладные и сведения контрразведывательных отделений.

Личные записные книжки генерала Деникина...

Всего 2835 листов, – значит, подробный анализ ещё только предстояло сделать, и конечно же не нам. Так что я более подробно просмотрел документы из той самой первой папки, которая попала мне в руки: «Учетно-регистрационные карточки офицеров Генерального Штаба, служащих в Красной Армии».

Начал с последних карточек, расположенных в алфавитном порядке. Вскоре я с удовлетворением убедился, что обе мои фамилии, под которыми я служил в Императорской Русской и работал во всех последующих армиях и войсках, вплоть до времени возвращения к своим, сию картотеку миновали.

Потом я уже просматривал Учетно-регистрационные карточки подряд, время от времени спрашивая у Ломанидзе и Мортиросова (мы работали втроём), как у старых, со времён подполья, севастопольцев и участников первой регистрации, что им известно о судьбе очередного офицера.

Вариантов ответов было немного: «Нет, ничего не знаю», «Этот точно ушёл с эскадрой» и «Раскололи субчика. Получил по заслугам».

Некоторые извивы офицерских военных биографий заставляли задуматься. Так я задержался на Учетно-регистрационной карточке капитана 2-го ранга Леонида Осиповича Матусевича. Мичман, инженер-лейтенант, затем – начальник Оперсвязи в красном Мариуполе и вдруг произведён в чин кавторанга ВСЮР, и это, перескакивая через две ступеньки званий, и после службы в Красной армии? Видать, изрядно послужил Белому делу...

Последнюю фразу я сказал вслух. Гагик заглянул мне через плечо, увидел, о ком речь и после секундного раздумья сказал:

– Леонид Матусевич? Так была недавно прислана ориентировка, что он может оказаться в Крыму. А разыскивается по какой-то Мариупольской истории девятнадцатого года.

– Скверной истории, – сказал я, припоминая давние свои перехваты сообщений искровым телеграфом в штаб Южного фронта.

Слушать, о чём переговариваются красные командиры и комиссары, было моей прямой обязанностью в то время. Слушать, докладывать «наверх» и готовить сводки для ещё верховнее верха. И в считанные минуты решать, что должно включаться в доклад, а что – нет, о чём упоминать в сводках, а о чём умалчивать. И при этом всё обставлять так, чтобы не навлечь на себя подозрений. А потом ещё с предосторожностями готовить и отправлять шифрограммы для наших...

И ещё подумал сразу, что непременно надо разыскать бывших сотрудников или сослуживцев этого Матусевича, чтобы наверняка его опознать, если понадобится. Вот его последнее место службы. Наверняка же кто-то остался в Крыму...

– Что он там натворил, в Мариуполе? – тем временем Ломанидзе отложил опись документов и подошёл к нам.

– Вроде помог деникинскому десанту, – ответил за меня Мортиросов, – ты разве ориентировку не читал?

Ломанидзе только плечами передёрнул и сказал, глядя на фотографию в Учётно-регистрационной карточке:

– Экая морда белогвардейская... Найдём, если в том году не шлёпнули.

– Не, вроде по спискам такой не попадался, – сказал Гагик.

К этому времени у меня уже сложилось впечатление, что с памятью и сообразительностью у Мортиrosoва всё в порядке.

Будто в подтверждение, Гагик отклеил от карточки фотографию Матусевича.

– Это фото надо увеличить, размножить и раздать розыскникам и патрулям...

– И в Симферополь надо бы послать, – только и добавил я.

Допросная комната

В Симферопольском городском отделении Крым ЧК с утра шёл допрос гражданина Игнатенко, задержанного накануне милицейским патрулем.

В милицейском участке, куда «Николая Игнатъевича» – так по документам, – накануне доставили, его немного помяли, добавив живописный синяк к ссадинам и царапинам, полученным при неудачной попытке к бегству, но допрашивать не стали. Начальник участка, как только выслушал краткий доклад старшего патрульной тройки, так сразу и распорядился тащить по утряночке этого субчика чекистам – их клиент, нам и без того выше крыши всякого.

– Да, и тащить субчика отправь лично этого вашего Дьякова – ну, типа как на очную ставку.

И вот теперь «этот, как его», упорно именующий себя Николаем Игнатенко, ёрзает на привинченной к полу табуретке в допросной.

А следователь и спрашивает у него, изрядно осунувшегося в милицейском клоповнике за бессонную ночь, проведённую не в самом приятном обществе:

– Так ты, «дворянин в мещанстве», в Керчи что – рабочих расстреливал? – обнаруживая знакомство с произведениями Мольера и даже уместно перефразируя название прелестной комедии, пребывающей в программе по зарубежной литературе классической гимназии, кою следователь в своё время успешно дотянул до шестого класса.

«Дворянин в мещанстве», доселе называющий себя Николаем Игнатенко, как мог рассудительно возразил:

– Каких ещё рабочих? Я в Керчи-то всего две недели был, летом двадцатого, и занимался чисто технической работой. Там вообще никого не расстреливали.

Следователь только хмыкнул.

– Да, конечно. Не расстреливали. Только загнали в каменоломни и выход подорвали. Чистая работа! Не твоими ли заслугами?

– Так это когда было! – даже вскинулся «Николай Игнатенко». – В девятнадцатом, что ли? Точно даже не знаю. А при мне – всё там было тихо.

– «Ничего не знаю», «ничего не слышал», никакого отношения к подавлению восстания не имел. Все так поют. А кто имел?

Тут «Николай Игнатенко», решив, по-видимому, что перевод стрелок на кого-то другого уменьшит интерес чекистов к нему самому, сказал:

– «Савак», наверное. Контрразведка.

– Конкретнее!

– Я так, по слухам, только и знаю, – прокашлялся «Игнатенко». – Вроде всем этим руководил капитан Михаил Стеценко, начальник контрразведки в Керчи. Его ещё ранили тогда во время столкновения с... Ну, с теми, которые восстание подняли.

– Ну-ка, спросим у свидетеля, каким ты там местом обретался. – И следователь приказал помощнику, который вёл протокол: – Петрович, позови этого, который из милиции.

Немолодой, мешковатый Петрович скрылся за дверь, и через пару минут вернулся с Иваном Дьяковым. Тем самым милиционером из патруля, который опознал «Игнатенко» как офицера из Керчи.

Иван, которого сравнительно недавно «фильтровали» чекисты, как всех сложивших оружие членов отряда Мокроусова, запомнил чётко: если врать, то лишь о том, что невозможно проверить, а лучше не врать вообще. А ещё – что надо казаться мужичком если не поглупее, то попроще. Вот потому, когда следователь спросил, указывая на задержанного:

– У этого красавца как, руки в крови по локоть или только забрызгался?

Дьяков ответил с простецким видом:

– Не, эт не скажу. Чё не знаю – зачем напраслину возводить?

Следователь только головой повертел, но сказал примирительно:

– А что за ним? Чего задержали?

– Да просто запомнил – уж больно морда белогвардейская. Всё с морскими офицерами околачивался и сам был при погонах. А документ давеча дал – просто мещанин.

– А когда это было? – едва сдержался следователь, чтобы не прикрикнуть на Дьякова, похоже, что ломающего комедию. – Запомнил – когда в Керчи его видел?

– Да позатем летом, когда мы с артелью на извозе при порту были.

Это Иван проговорил спокойнее, потому что вопрос касался только его и легко проверяемого дела, ничуть не предосудительного с точки зрения любой власти.

– Ну вот, я же говорил, – даже обрадовался «Игнатенко».

– Цыц, – одёрнул его следователь. И спросил у Дьякова, вроде как невинно: – А то восстание как пережил?

– Да никак, – развёл руками новоиспечённый милиционер. – Артель наша тогда на Колонке стояла, так нас в город и не пускали, пока тама стрельба и пока всех тама в скале и завалили.

– А на помощь рабочим прийти – кишка тонка оказалась? – спросил следователь таким тоном, что кишки у бедного Ивана похолодели и будто прижались к хребту.

И Дьяков зачистил:

– Они нас что – звали? Да и начальник белый, Стеценко – им до сих пор детей в Керчи пугают, – заставы выставил, чуть сунься – пристрелят.

С минуту следователь молчал, неотрывно уперев страшный взгляд в перепуганного милиционера, затем вздохнул и повернулся к «Игнатенко».

– Ты, конечно, никакого капитана Стеценко не знаешь и о подвигах его кровавых слыхом не слыхал?

– Отчего же, слыхал, – честно признал задержанный, небезосновательно предполагая, что быть в курсе всекрымских слухов – совсем не криминал.

И Дьяков подхватил, уловив интерес следователя к белогвардейскому керченскому контрразведчику:

– Вот я вам скажу – тот капитан и вправду зверь-зверем. Прут у его такой медный был – так он бедолаг им так бил, что и кожа лопалась, и косточки ломались.

– Вот-вот, – подал голос и «Игнатенко», – я слышал, будто он, этот Стеценко, и придумал взорвать входы в каменоломню, чтобы заморить там остаток повстанцев.

– Гадина... – осторожно сказал Иван. И добавил, преданно глядя в глаза следователю: – Ну, так он своё получил по заслугам?..

Следователь повернулся к помощнику:

– Петрович, не помнишь – брали такого?

Немолодой и рассудительный Петрович поморщился, посмотрел на Дьякова и «Игнатенко», решая, можно ли говорить при посторонних, затем всё же сообщил:

– Этот капитан ещё и здесь, в Симферополе, наследил. А потом, насколько мне известно, удрал. В Константинополь, по-видимому.

... Через два дня, когда были получены ответы из Керчи и проверены регистрационные списки, в Харьков ушло донесение:

Срочно. Секретно.

Секретный отдел ВУ ЧК

Евдокимову

По сообщениям Керченского Отделения и показаниям свидетелей, штабс-капитан Стеценко Михаил Лукич, организатор белого террора, в

частности подавления коммунистического восстания в Керчи и зверского истребления участников оно, избежал наказания, убыл с армией Врангеля и ныне находится в Константинополе.

Просим уточнить информацию об его настоящем местопребывании и сообщить сведения о возможных связях Стеценко с контрреволюционными организациями.

Пред. Крым ЧК

Неприятное свидание

Днём у меня в демонстративно незапертом «сто седьмом» мы чуть больше часа попрактиковались в произношении, разговорной речи и чтении вслух (Нина принесла пару номеров прошлогодней «Таймс»). Потом она любезно приняла моё предложение отобедать в гостиничном буфете, вот только испросила, заметно смущаясь, позволения познакомиться с Тамарой Пожаровой («мы говорили о ней третьего дня, помните?»).

Я согласился, предполагая, что знакомство произойдёт позже, в каком-то условленном между подругами месте. Но Пожарова пришла прямо в гостиничный буфет, к десерту; официант, хотя заметно шокированный её видом, по моему кивку подал ещё чай и печенье.

В первую минуту и я был несколько шокирован. Подруга Нины Лавровой не должна была выглядеть, как запущенная пролетарка.

И лишь немного спустя, услышав вполне интеллигентную речь и внимательно посмотрев на новую знакомую, понял, что убогое пальтишко, бабский платок, застиранная юбка из грубой ткани и гетры, напущенные на ботинки, – составная часть «конспиративного вида», выбранного Пожаровой для пребывания вне привычного интерьера в суровой реальности начала двадцатых. Смуглость лица и тени около глаз, создающие при взгляде издали впечатление немолодой и загнанной работой простолоудинки, вблизи оказались умелым макияжем. Под расстёгнутым пальтишком явился взору отменный кардиган, а опущенный на плечи платок открыл весьма аккуратную укладку.

И оказалось после обмена традиционными приветствиями, что Нина несколько неправильно меня информировала. Тамара Пожарова действительно попросила, но не за себя (у неё вроде как бытовые проблемы разрешились), а за своего «очень приличного» друга, которому – если возможно, – надо помочь устроиться на службу.

Это была малоприятная неожиданность; но, похоже, и для Нины тоже – поэтому не следовало сразу и категорически отказывать. Так отказать, если станет понятной невозможность или ненужность помощи.

– Поймите, милые дамы, чтобы помочь вашему другу, нам непременно с ним нужно лично встретиться. Мне же надо ходатайствовать не о службе «вообще», а о конкретной должности. Он кто?

– Военный, офицер, – негромко сказала Тамара, предварительно оглядевшись – нет ли поблизости посторонних.

Офицер... Это уже интереснее. Возможно, сгодится для Емельяновского задания... Следовательно, личный контакт становится необходимым.

– По какой воинской специальности?

Пожарова беспомощно посмотрела на Нину – а та лишь округлила глазки, откуда, мол, мне такое знать. Потом, припомнив что-то, сказала неуверенно:

– Кажется, что-то с разведкой связанное.

Ещё интересней... И как раз время ответить доверием на доверие, – чтобы уменьшить препятствия к возможной встрече с этим неизвестным пока офицером от разведки.

– Чтобы избежать недоразумений, надо всё знать точно. Мы, как люди военные, уж сами определимся, по какой именно специальности устроить его на службу.

Ниночка меня поддержала, склоняясь к Тамаре; шёпот я расслышал отчётливо:

– Алексей Степанович прав. В самом деле, пусть поговорят лично.

Какое-то время Пожарова молчала, обдумывая варианты, наверное. Потом всё-таки сказала:

– Да, наверное, так будет правильно. – И поднялась из-за стола. – Пойдёмте...

Мы втроём вышли из гостиницы и направились куда-то в сторону центральной горки, увенчанной тусклым куполом «адмиральского» Владимирского собора. По дороге женщины показали мне два «секретных» винных погребка возле неработающих столовой и кафе. Явный признак доверия.

Большая, многокомнатная квартира оказалась в трехэтажном доме нечрезмерной запущенности. Парадная дверь цела и подпружинена, в вестибюле и на лестнице кошачий, но отнюдь не канализационный запах. Дежурные лампочки в решетчатых колпаках. Нормальная жизнь в Севастополе и во всей стране восстанавливается быстро – если никто и ничто этому не препятствует.

Дверь в квартиру на третьем этаже оказалась приоткрытой, а там, за прихожей, в гостиной, происходил небольшой скандал.

Как сразу стало понятно, едва мы вошли, выговаривала мужчине средних лет, одетому по-домашнему, некая обширная немолодая особа простоватого вида. По репликам судя – квартирная хозяйка от ЖКХ.

На наше появление отреагировала только симпатичная молодая женщина с нервным лицом.

– Мария Муравская, – представила её Тамара Пожарова.

Тем временем квартирная хозяйка всё напирала:

– Вы что себе думаете? Жить задарма, да ещё и безобразия учинять? Чай, не старые времена! Вносите плату, иначе всё, подаём на выселение, как пробка вылетишь!

Тот, на кого она напирала – «Евгений Яковлев» – подсказала Пожарова. – отвечал чуть ли не криком:

– Не имеете права!

– Ещё как имею! – упёрла руки в боки квартирная хозяйка. – Комната жэковская, то есть народная, так ты что, советскую власть обманывать хочешь?

– С таким отношением – я... я перейду на частную квартиру!

– Долгонько же придётся искать, – расплылась в улыбке «представительница советской власти». – Никто не хочет брать себе под крышу «бывших», да ещё и дебоширов, пьяниц и кокаиников.

Тут Яковлев наконец заметил наше появление, да и, наверное, ему неловко стало продолжать перепалку перед Муравской, ещё двумя дамами и незнакомцем. Из кармана его тёплого халата явилась синенькая купюра.

– Ладно, успокоились. Вот, за неделю.

– А остальное? – спросила квартирная хозяйка, с деланным удивлением разглядывая деньги.

– В понедельник, в понедельник, – торопливо проговорил Яковлев, показывая на меня. – Видите, гости пришли.

Тамара тут же произнесла тоном, уместным для представления коронованных особ:

– Это сам Алексей Степанович Яновский, из Экономической комиссии!

Надо прямо сказать, это квартирную хозяйку впечатлило.

– Ладно, я пойду. До понедельника. – Но в дверях, правда, обернулась и потребовала: – И комиссару вашему скажите, пусть тоже денежки приготовит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.